

Афины, их взлет и падение, книга IV

Барон Эдвард Булвер Литтон Литтон

Athens: Its Rise and Fall, Book IV

Baron Edward Bulwer Lytton Lytton

The Project Gutenberg eBook of Athens: Its Rise and Fall, Book IV

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Athens: Its Rise and Fall, Book IV

Автор: Барон Эдвард Бульвер Литтон Литтон

Дата выхода: 20 октября 2006 [eBook #6154]

Последнее обновление: 29 декабря 2020 г.

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ATHENS: ITS RISE AND FALL, BOOK IV ***

КНИГА IV.

ОТ КОНЦА ПЕРСИДСКОГО НАШЕСТВИЯ ДО СМЕРТИ ЦИМОНА. 479 ГОД ДО Н. Э. - 449 ГОД ДО Н. Э. С. 449.

ГЛАВА I.

Замечания о последствиях войны.- Состояние Афин.- Вмешательство Спарты в афинские укрепления.- Умелое поведение Фемистокла.- Новая гавань Пирея.- Предложение спартанцев на Амфикинийском совете, отвергнутое Фемистоклом.- Союзный флот на Кипре и в Византии.- Павсаний.- Изменение его характера.- Его честлюбивые взгляды и измена.- Восстание ионийцев против спартанского командования.- Павсаний отозван.- Доркис заменяет его.- Афиняне становятся во главе Ионической лиги.- Делос становится сенатом и казной союзников.- Умелое и благоразумное управление Аристиды.- Кимон получает командование флотом.- Характер Кимона.- Эйон осажден.- Сирок колонизирован аттиками.- Предполагаемое открытие костей Тесея.- Уменьшение власти Фемистокла.- Демократические изменения в конституции.- Фемистокл подвергнут ostracism.- Смерть Аристиды.

I. К нетленной чести французских философов прошлого века следует отнести то, что они, превосходя всех ранних учителей человечества, отстаивали те глубокие и постоянные интересы человеческого рода, которые неразрывно связаны с любовью к МИРУ; что они лишили образ войны той иллюзорной славы, которую она приобрела в первобытные века общества благодаря страстям дикарей и энтузиазму поэтов, и обратили наше созерцание от славы отдельного героя к несчастьям миллионов убитых. Но их рвение к гуманности, которую эти свободные и смелые мыслители первыми сделали жизненно важным принципом философской школы, привело их к частичным и поспешным взглядам, слишком неразборчиво принятым их учениками; и, осуждая зло, они забыли о преимуществах войны.

Несчастья одного поколения часто необходимы для процветания другого. Поток крови оплодотворяет землю, по которой течет, и война была одновременно бичом и цивилизатором мира: иногда она просвещает захватчика, иногда - захваченного; и заставляет внезапно и блестяще действовать искусства и добродетели, которые стимулируются изобретением необходимости и созревают благодаря энергии бедствия. То, чем невзгоды являются для отдельных людей, война часто является для наций: неопределенная в своих последствиях, она, правда, с одними покоряет и сокрушает, а с другими укрепляет и возвышает. Также и более великие и выдающиеся элементы характера в людях или государствах никогда не привлекают к себе внимания без того горького и острого опыта, который закаляет более прочные свойства ума, облагораживает более тонкие и проницательные. Даже когда эти вооруженные революции мира - самые ужасные по своим результатам - разрушают величие и свободы одного народа, они служат, рано или поздно, для того, чтобы произвести противодействующий подъем и прогресс в судьбах другого; как море здесь наступает, там отступает, поглощая плоды этого берега, чтобы увеличить территории того; и выполняя, в своем ужасном и ужасающем агентстве, тот мандат человеческих судеб, который предписывает все изменить и ничего не разрушить. Без вторжения Персии Греция, возможно, не оставила бы летописей, а современный мир тщетно искал бы вдохновения у древних.

II. Когда потоп персидского оружия отступил на свое восточное ложе, и мир вновь обрел относительный покой, континент Греции заметно и величественно возвышался над остальной цивилизованной землей. Вдали, на латинских равнинах, младенческое государство Рим тихо и неясно боролось за силу с соседними и мелкими государствами, в которых старая этруская цивилизация быстро приходила в упадок. Гений Галлии и Германии, еще не избавившихся от варварства, был малоизвестен, за исключением тех мест, которые колонизировали греки, во мраке своих лесов и пустошей. Гордость Карфагена была сломлена поражением на Сицилии, а Гело, умелый и проницательный тиран Сиракуз, поддерживал в греческой колонии блеск греческого имени.

Амбиции Персии, все еще великой монархии мира, были навсегда подавлены и ущемлены; сила поколений была растрочена, а огромные размеры империи лишь еще больше способствовали поддержанию всеобщего мира из-за истощения ее сил. Поражение Ксеркса парализовало Восток.

Таким образом, Греция оказалась в безопасности и получила свободу наслаждаться обретенным спокойствием и направлять на мирное искусство новые и удивительные силы, которые были вызваны опасностями и возвышены военными победами.

III. Вернувшись в свой город, афиняне увидели перед собой трудную задачу отстройки его руин и восстановления опустошенных земель. Превратности войны произвели множество тихих и внутренних, а также внешних изменений. Многие большие состояния были разрушены; древний дух аристократии получил немалое потрясение от власти новых семей; слава родовитого и демократичного Фемистокла и победы, в которых участвовал целый народ, разрушили многое из предписанной и почтенной святости, связанной с именами предков и отдельных семей. Это благотворно сказалось на духе предпринимательства во всех классах. Честолюбие великих было возбуждено, чтобы восстановить какими-то активными средствами свое пошатнувшееся состояние и упадок влияния; энергия более скромных слоев, уже возбужденная их новым значением, была стимулирована, чтобы сохранить и увеличить его. Это был тот самый кризис, когда привычки и характер целого народа могли получить новое направление; и чтобы воспользоваться всеми преимуществами этого кризиса, судьба в лице Фемистокла выделила Афинам человека, чьи

качества были не только исключительно велики сами по себе, но и особым образом приспособлены к обстоятельствам того времени. И, как я уже отмечал в другом месте, это действительно природа и прерогатива свободных государств - концентрировать народную волю в нечто похожее на единство деспотизма, производя одного за другим ряд представителей желаний и требований времени - каждый из них ведет за собой свое поколение, но только пока он сочувствует его воле; и либо сбивает, либо сменяет своих соперников, не в той пропорции, в какой он превосходит или затмевает гения, а в той, в какой он дает или перестает давать широчайшему диапазону законодательной власти наиболее концентрированную силу исполнительной; таким образом, объединяя желания наибольшего числа людей под управлением максимально узкого контроля; конституция народная - правительство абсолютное, но ответственное.

IV. В великих событиях последней кампании мы потеряли из виду героя Саламины [116]. Но не успела закончиться персидская война, как Фемистокл стал самым видным гражданином Афин - достаточное доказательство того, что его популярность еще не уменьшилась и что его отсутствие в Платее не было вызвано ни народным капризом, ни партийным триумфом.

V. В ходе масштабной мести Мардония были разрушены даже частные дома, за исключением тех, которые служили жилищами для персидских вельмож [117]. Мало что осталось от внутреннего города, еще меньше от внешних стен. Как только варвары покинули свою территорию, горожане вернулись со своими рабами и семьями из различных мест убежища, и первой их заботой стало восстановление города. Они уже были заняты этим необходимым делом, когда прибыли послы из Спарты, чье бдительное правительство, всегда ревнивое к сопернику, с необоснованной тревогой наблюдало за увеличением флота и ростом славы народа, до сих пор бесспорно уступавшего в силе Лакедемону. И страх, который втайне лелеяла эта властная нация, еще более тревожно вынашивали подчиненные союзники [118]. Побуждаемые собственными и общими опасениями, спартанцы обратились к афинянам с просьбой отказаться от возведения стен. Не обошлось и без изящества и благовидного предлога, когда правительство города, который сам не имел стен, выступило против политики возведения стен для Афин. Спартанские послы утверждали, что укрепленные города станут оплотом для варвара, если он снова вторгнется в них, и стены Афин могут оказаться для него не менее полезными, чем валы Фив. Пелопоннес, утверждали они, был законным отступлением и надежным ресурсом для всех; и, не желая показаться исключительно завистниками Афин, они просили афинян не только отказаться от своих собственных укреплений, но и вместе с ними разрушить все укрепления за пределами Пелопоннеса.

Не нужно было обладать таким проницательным гением, как у Фемистокла, чтобы сразу понять мотив требования и опасность императивного отказа. Он убедил афинян ответить, что они пришлют послов для обсуждения этого вопроса, и отстранил спартанцев без дальнейших объяснений. Затем Фемистокл рекомендовал сенату [119], чтобы он сам был одним из послов, отправленных в Спарту, и чтобы те, кто будет с ним в миссии (поскольку в Греции не было принято поручать посольства отдельным лицам), задержались в Афинах, пока стены не будут доведены до высоты, достаточной, по крайней мере, для обычной обороны. Он призвал своих соотечественников приостановить ради этой великой задачи завершение всех частных построек - и даже не жалеть ни одного здания, частного или общественного, из которого можно было бы выбрать подходящие материалы. Все население, рабы, женщины и дети, должно было участвовать в работе.

VI. Приняв этот совет, он набросал план действий, которых собирался придерживаться сам, и отбыл в Спарту. Его коллеги, не менее важные, чем Аристид, и Аброних, выдающийся офицер в последней войне, должны были последовать за ним в условленное время.

Прибыв в столицу Лаконии, Фемистокл не потребовал публичной аудиенции, избегал любых поводов для открытия спорных вопросов и прикрывался политикой промедления под предлогом, что его коллеги еще не прибыли, что он некомпетентен вести дела без их совета и согласия и что, несомненно, они скоро появятся в Спарте.

Если принять во внимание небольшое расстояние между государствами, сообщения, которые спартанцы могли бы получать от соседних эгинетян, более ревнивых, чем они сами, а также проницательность и пресловутую прозорливость спартанского совета, то невозможно поверить, что в течение столь долгого периода, который, с величайшей оперативностью, должен был пройти с момента отъезда Фемистокла до необходимого прогресса в укреплениях, эфоры могли оставаться в неведении относительно приготовлений в Афинах или замыслов Фемистокла. Поэтому я боюсь, что мы должны верить вместе с Теопомпом [120], что Фемистокл, самый искусный взяточник своего времени, усилил то уважение, которое, как уверяет Фукидид, питали к нему спартанцы, путем частных и денежных переговоров с эфорами. Однако в конце концов в Спарту поступили столь убедительные и недвусмысленные сведения о ходе строительства стен, что эфоры уже не могли испытывать недоверие.

Фемистокл встретил возражения спартанцев с видом откровенности, смешанной с презрением. "Зачем, - сказал он, - верить этим пустым слухам? Пошлите в Афины своих посланцев, которым вы можете доверять; пусть они проверят все своими глазами и доложат вам".

Эфоры (если верить утверждениям Феопомпа) не безропотно уступили столь правдоподобному предложению, а тем временем хитрый афинянин отправил в Афины тайного гонца, убеждая правительство задержать спартанских послов с как можно меньшим подобием замысла и ни в коем случае не позволять им уехать до благополучного возвращения их собственной миссии в Спарту. Ведь не исключено, что без таких заложников даже эфоры, какими бы могущественными и влиятельными они ни были, не смогут, когда спартанцы узнают о совершенном над ними обмане, предотвратить арест афинских делегатов. [121]

В конце концов стены, возведение которых продолжалось днем и ночью с невероятным усердием и трудом, были в достаточной степени завершены; маскировка, ставшая невозможной, больше не была полезной. Фемистокл потребовал аудиенции, которую он до сих пор откладывал, и смело заявил, что Афины теперь настолько укреплены, что могут защитить своих граждан. "В будущем, - надменно добавил он, - когда Спарта или другие наши конфедераты пошлют послов в Афины, пусть они обращаются к нам как к народу, хорошо знающему наши собственные интересы и интересы нашей общей Греции. Когда мы покинули Афины ради наших кораблей, мы не требовали и не получали лакедемонской помощи, чтобы поддержать нашу родную доблесть; во всех последующих мерах, кому мы показали себя ниже, будь то в совете или в поле? В настоящее время мы сочли целесообразным укрепить наш город, сделав его таким образом более безопасным для себя и наших союзников. Невозможно также, имея силы, уступающие силам любой соперничающей державы, должным образом сохранить и в равной степени отрегулировать баланс свобод Греции". [122]

Отстаивая это равенство, он утверждал, что либо все города Лакедемонской лиги должны быть лишены своих крепостей, либо следует признать, что, возводя крепости для себя, Афины действовали правильно.

VII. Глубокая и бесстрастная политика Спарты не допускала никаких внешних признаков бесполезного и необоснованного недовольства. Поэтому спартанцы с видимой вежливостью ответили, что "в своем посольстве они стремились не диктовать, а советовать, что их цель - общее благо", и сопроводили свои оправдания признаниями в дружбе к Афинам и панегириками афинской доблести в недавней войне. Но гнев, который они не решались выказать, лишь сильнее разгорался внутри. [123]

Послы обоих государств вернулись домой; таким образом, Фемистокл, сочетая твердость и хитрость, так хорошо подходящие для людей, с которыми ему приходилось иметь дело, сохранил свою страну от нынешней ревности еще более смертельного и непримиримого врага, чем персидский царь, и заложил основу для притязаний на равенство с самым выдающимся государством Греции, которые он поспешил укрепить и расширить.

Афиняне с усердием возводили укрепления, не жалея ни одного материала, который мог бы свидетельствовать о прочности. Стены повсюду свидетельствовали о поспешности, с которой они были построены, и долгое время оставались таковыми. Неровные, грубо отесанные, некрасиво сложенные, они из века в век напоминали путешественникам имя самого выдающегося государственного деятеля и самые героические дни Афин. Через частые промежутки времени он мог видеть камни, выточенные по грубой моде прежних времен, украшения, заимствованные из античных зданий, разрушенных Медеей, фриз и колонны, вырванные из разобранных усыпальниц; так что даже мертвые вносили свой вклад в защиту Афин из своих могил.

VIII. Воодушевленный новой популярностью и почестями, которые последовали за успехом его миссии, Фемистокл приступил к осуществлению грандиозных планов, которые он разработал не только для возвышения своей страны, но и для изменения нравов граждан. Все, что осталось нам об этом удивительном человеке, доказывает, что, если другие превосходят его в строгой добродетели или в ослепительных свершениях, ему нет равных в глубине и дальновидности его политики. Похоже, в отличие от большинства своих блестящих соотечественников, он мало зависел от порывов или жалких ухищрений фракции - его схемы свидетельствуют о разуме, действующем в гигантских системах; поразительно, с какими добродетельными побуждениями и с каким пророческим искусством он добивался грандиозных и постоянных результатов, используя мелкие и (по его мнению) бесчестные средства. Он предстает перед взором времени как образец того, каким должен быть великий и удачливый государственный деятель, пока у людей есть как дурные страсти, так и возвышенные добродетели, а государство, которому он стремится служить, окружено могущественными и беспокойными врагами, которых необходимо одолеть там, где опасно оскорбить.

В год, предшествовавший персидской войне, Фемистокл занял пост архонта [124] и уже в тот год задумал построить гавань в древнем районе Пирея [125] для удобства флота, который формировали Афины. Поздние события помешали продолжению работ, и теперь Фемистокл решил возобновить и завершить их, возможно, в более широком и продуманном масштабе.

До сих пор главной гаванью Афин был порт Фалерун, но он совершенно не подходил для нового флота, который она приобрела; другой вход, Мунихия, был еще более неудобным. Но в равной степени под рукой находился вместительный, хотя и заброшенный порт Пирей, созданный природой таким образом, чтобы обеспечить идеальное укрепление против

вражеского флота. Поэтому Фемистокл задумал построить в Пирее самую просторную и самую выгодную гавань во всей Греции. Он рассматривал эту задачу как основу своего любимого и самого амбициозного проекта - обеспечения Афинам суверенитета на море. [126]

Завершение строительства порта, увеличение флота, которое вызвало бы строительство новой гавани, слава, уже приобретенная Афинами в морской войне, побуждающая обратить внимание на морскую дисциплину и тактику, - все это давало великолепную возможность реализовать амбиции народа, одновременно предприимчивого и торгового. Фемистокл надеялся, что результаты его политики позволят афинянам одержать верх над собственным потомством, ионийскими колониями, и их средствами освободить от персидского ига и навсегда приобщить к афинским интересам всех азиатских греков. Расширяя свои взгляды, он видел, как различные островные государства, объединенные с Афинами огромной морской мощью, отделяются от Лакедемона и следуют примеру Аттической республики. Он видел, как его родной город вытесняет с помощью морских сил давно завоеванное превосходство и железное господство Спарты на суше и расширяет свою собственную империю, в то время как она тайно и разумно подтачивает авторитет самых грозных своих соперников.

IX. Но при осуществлении этих грандиозных замыслов Фемистокл не мог не предвидеть значительных трудностей: во-первых, из-за ревности спартанцев, а во-вторых, из-за популярных и давно укоренившихся предрассудков самих афинян. До сих пор они не поощряли морские дела, а их более популярные лидеры обращали внимание на сельскохозяйственные занятия. Можно предположить, что и горцы, и сельскохозяйственная партия, не самая влиятельная, не стали бы противиться столь большим преимуществам фракции прибрежников, если бы знали обо всех результатах, к которым приведет новая политика. Столь опытный вождь человечества также не мог быть равнодушен к тем зачастую небезвредным последствиям, к которым приводит свободное государство в меняющихся условиях широкой демократии - их нетерпению в отношении денежных требований, их быстрым и порой недоброжелательным подозрениям относительно мотивов своих советников. Поэтому необходимо было действовать настолько осторожно, насколько это позволяла задача, чтобы не допустить ни внешней, ни внутренней ревности. Фемистокл, казалось, со свойственной ему решительностью провел свой курс через все трудности. Если отбросить неправдоподобные подробности Диодора [127], то достоверным представляется хотя бы то, что Фемистокл в первую очередь заручился сотрудничеством Ксантиппа и Аристиды, глав крупных партий, обычно выступавших против его мер, и что он убедил демократов согласиться на то, чтобы наброски его планов были представлены не народному собранию, а совету пятисот. Однако совершенно ясно, что, как только план был приведен в действие, афиняне не могли, как это предполагает Диодор, оставаться в неведении о его природе; и все, чему мы можем верить из рассказа Диодора, это то, что народ позволил пятисотникам рассмотреть проект, и что народное собрание одобрило решение этого сената, не спрашивая причин, на которых оно было основано.

X. Следующей заботой Фемистокла было предвосхитить ревность Спарты и предотвратить ее вмешательство. Согласно Диодору, он отправил послов в Лакедемон, объясняя преимущества создания порта, который мог бы стать общим убежищем Греции, если варвары возобновят свои набеги; Но настолько очевидно, что Фемистокл вряд ли мог раскрыть Спарте тот самый проект, который он сначала скрыл от афинян, что, хотя мы можем допустить тот факт, что Фемистокл сотрудничал со спартанцами, мы должны отдать ему должное, по крайней мере, за более хитрую дипломатию, чем та, которую приписывает ему

Диодор [128]. Но какими бы ни были предлоги, с помощью которых он пытался развлечь или уломать спартанское правительство, они, по крайней мере, представляются успешными. А обычное равнодушие спартанцев к морским делам в этот особый период усилилось из-за беспокойства по поводу поведения Павсания. Таким образом, Фемистокл, находясь в безопасности как от внешних, так и от гражданских препятствий, с активностью приступил к осуществлению своих планов. Пирей был укреплен стенами удивительной толщины, чтобы пропускать по две телеги в одну сторону. Внутри все сооружение было сложено из прочной каменной кладки, тесаной в форме квадрата, так что каждый камень точно подходил по размеру, а снаружи укреплялось железными скобами. Стены никогда не поднимались выше половины первоначально запланированной высоты. Но все было устроено так, чтобы создать крепость против нападения, которую слишком легкомысленно считали неприступной, и чтобы адекватно укомплектовать ее минимально возможным количеством граждан, чтобы в случае опасности основные силы могли быть направлены на флот.

Таким образом, Фемистокл создал морскую крепость, более важную, чем сам город, в соответствии с советом, который он часто давал афинянам: если их сильно прижмут на суше, они должны отступить в этот арсенал и полагаться во всех военных действиях на свои морские силы. [129]

Новый порт, который вскоре получил амбициозное название Нижний город, был передан под управление Гипподама, милезийца, который, по словам Аристотеля [130], был первым автором, который, не зная практических дел, писал о теории управления. Храмы [131], рыночная площадь, даже театр отличали и обогащали новый город. Население, заполнившее его, недолго думало, пока не приобрело и не закрепило за собой характер, во многих чертах и качествах отличавшийся от граждан древних Афин - более дерзкий, своенравный, новаторский и буйный.

Но если в настоящее время Спарта считала благоразумным избегать прямого влияния на Афины, то ее интриганские советы были не менее склонны, хотя и косвенными и благовидными способами, к расширению ее собственной власти. По выражению одного из ее собственных вождей, там, где львиная шкура оказывалась недостаточной, она пыталась добыть ее с помощью лисей.

На собрании амфикионов лакедемонские делегаты предложили исключить из совета все те государства, которые не присоединились к антиперсидской конфедерации. Под этим популярным и патриотическим предложением хитроумно скрывалось усиление спартанской власти; ведь если бы фессалийцы, аргивяне и фиванцы (голоса, всегда противостоявшие лакедемонянам) были изгнаны из собрания, лакедемонская партия получила бы перевес голосов и абсолютную диктатуру этого древнего совета. [132]

Но Фемистокл, наделенный, по-видимому, спартанской проницательностью в деле ущемления спартанских интересов, воспротивился этому предложению, используя не менее популярные аргументы. Он доказывал делегатам, что несправедливо наказывать государства за ошибки их лидеров, что только тридцать один город внес свой вклад в бремя войны, и многие из них незначительный, что столь же опасно и абсурдно исключать из общих греческих советов большую часть греческих государств.

Аргументы Фемистокла возобладали, но его успех еще сильнее возбудил против него злобу лакедемонян, и, не имея возможности противостоять ему за границей, они отныне решили подорвать его авторитет у себя дома.

XI. В то время как Фемистокл, не замечая опасности, увеличивал собственными силами мощь государства, союзники замыслили новые предприятия и продолжали возмездие. У Персии, теперь униженной и истощенной, настал момент отвоевать греческие города, будь то в Европе или в Азии, над которыми она еще сохраняла господство; поэтому было решено снарядить флот, для которого Пелопоннес предоставил двадцать, а Афины - тридцать судов. Аристид возглавил последний; Павсаний был главнокомандующим; многие другие союзники присоединились к экспедиции. Они отплыли на Кипр и с легкостью разрушили большинство городов этого острова. Затем они направились к Византию, главной крепости и цитадели Персии на этих берегах и связующему звену между ее европейскими и азиатскими владениями, блокировали этот город и в конце концов взяли его.

Но эти внешние события, как бы ни были они важны сами по себе, были ничтожны по сравнению с революцией, которая сопровождала их и которая, внезапно возвысив Афины до верховного командования союзной Грецией, может рассматриваться как автор грядущего величия - и последующих неудач - этой республики.

XII. Привычки Спарты - суровые, жесткие, необщительные - делали ее всегда более эффективной для устрашения врагов, чем для примирения союзников; и нравы солдат в это время ничуть не искупались и не уравнивались нравами вождя. После битвы при Платее в Павсании произошла заметная перемена. Слава сделала его высокомерным, а внезапная роскошь - показной. На золотом треножнике, посвященном конфедератами дельфийскому богу, он выгравировал надпись, приписывающую исключительно себе, как полководцу греческой армии, покорение варваров, - эгоизм, не менее противоречащий трезвой гордости Спарты, чем оскорбляющий справедливое тщеславие союзников. Впоследствии эта надпись была стерта спартанским правительством, а вместо нее была сделана другая, в которой приводились только названия конфедеративных городов и ничего не говорилось о Павсании.

XIII. Для человека с таким высокомерием и честолюбием, уже добившегося успеха, обстоятельства представляли теперь большой и непреодолимый соблазн. Хотя он и возглавлял греческую армию, но был всего лишь дядей и доверенным лицом молодого спартанского царя - должно было наступить время, когда его власть прекратится, и покоритель превосходного Мардония погрузится в узкие и суровые рамки спартанского гражданина. Обладавшие большими талантами и многими выдающимися качествами, они лишь усиливали его недовольство пределами своей законной сферы и бесплодностью спартанской жизни. И это недовольство, действуя на надменный от природы нрав, проявлялось в грубых, властных и повелительных манерах, которые дух его единомышленников не был готов терпеть или прощать.

Но мы вряд ли можем согласиться с древними историками, приписывая превосходство афинян только или даже главным образом поведению Павсания. Нынешняя экспедиция была морской, и большая часть конфедератов в Византии были морскими державами. Превосходный флот и недавняя морская слава афинян не могли не дать им в этот момент морального превосходства над другими союзниками; и мы заметим, что ионийцы и те, кто недавно вернул себе свободу от персидского ига [133], особенно желали обменять спартанцев на афинское командование. Связанные с афинянами по происхождению, по морским привычкам, по родственному нраву и изяществу темперамента, по постоянному рвению афинян к своим свободам (что, собственно, и стало первой причиной персидской войны), ионийские греки, естественно, должны были предпочесть афинский штандарт дорийскому; А предложение спартанцев (на которое афинские советы ответили отказом)

отдать ионийские поселения варварам не могло не вызвать стойкой неприязни к этим гордым и благоустроенным колониям.

XIV. Осознав нанесенную им обиду и испытывая отвращение как к союзникам, так и к своей стране, спартанский вождь был вынужден в силу природы и необходимости перейти к драматической ситуации, которую будущий Шиллер, возможно, сделает еще более интересной, чем измена великолепного Валленштейна, с характером которого косвенно сроднился Павсаний [134]. Взятие Византии привело спартанского регента в контакт со многими пленными и знатными персами [135], среди которых были некоторые родственники самого Ксеркса. В беседе с ними перед его честолюбием открылись новые, ослепительные перспективы. Он не мог не вспомнить пример Демарата, чье изгнание из бесплодного сана Спарты обеспечило ему роскошь и великолепие восточной пышности с делегированной властью над тремя самыми прекрасными городами Эолии. Будучи более известным, чем Демарат, он поневоле был более честолюбив в своих взглядах. Поэтому он тайне отпустил своих более высокопоставленных пленников, притворившись, что они сбежали, и, наконец, объяснил, какие послания он передал от них Ксерксу, в письме к царю, доверенном эретрийцу по имени Гонгилус, который знал язык и нравы Персии и которому он уже поручил управление Византией. В этом письме Павсаний предлагал помочь царю подчинить Спарту и остальную Грецию персидскому игу, требуя в обмен на это руку царской дочери с соответствующим приданым в виде владений и власти.

XV. Прошло то время, когда персидский монарх мог высмеивать возвышенность притязаний спартанца - Серкс с восторгом принял эти сообщения и отправил Артабаза сменить Мегабата во Фригии и договориться со спартанцем о средствах осуществления их совместного замысла [136]. Но пока Павсаний находился в полном расцвете своих ослепленных и устремленных к цели надежд, его падение было уже близко. Занятый своими новыми проектами, его природная надменность росла с каждым днем. Он никогда не обращался к офицерам союзников иначе, как с резкой и властной дерзостью; он оскорблял воинскую гордость, приговаривая многих солдат к телесным наказаниям или к тому, чтобы они целый день стояли с железным якорем на плече [137]. Он не позволял никому искать воды, фуража или подстилки, пока спартанцы не получают продовольствие - тех, кто пытался это сделать, прогоняли прутьями. Даже Аристид, пытавшийся возразить, получил грубый отпор. "Мне недосуг", - хмуро сказал спартанец. [138]

Жалобы на такое обращение были отправлены в Спарту, а тем временем конфедераты, особенно офицеры Хиоса, Самоса и Лесбоса, требовали, чтобы Аристид взял на себя общее командование и защитил их от наглости спартанца. Афинянин искусно ответил, что видит необходимость этого предложения, но что сначала оно должно быть санкционировано какими-то действиями, которые сделают невозможным отступление от нового соглашения после его заключения.

Намек был воспринят с яростью, и саамиец и хианский офицер, решив довести дело до крайности, открыто и смело напали на галеру самого Павсания во главе флота. Не обращая внимания на его гневные угрозы, теперь уже бессильные, за этим нападением немедленно последовала публичная передача верности, и агрессоры, оставив спартанские, встали под афинские знамена. Какими бы ни были последствия этого восстания, его удалось предотвратить благодаря внезапному отзыву Павсания. Обвинения, выдвинутые против него, нашли живой отклик в Спарте, и бдительное правительство уже получило сведения о его интригах с Медеей. По прибытии в Спарту Павсаний был немедленно вызван в суд, осужден на штраф за личные и частные проступки, но оправдан по главному обвинению в измене персам - не столько из-за недостатка, сколько из-за обилия доказательств [139]; вероятно,

было благоразумно избежать, если возможно, скандала, который осуждение генерала могло бы навлечь на народ.

Спартанцы послали Дорциса с несколькими коллегами, чтобы заменить Павсания в командовании; но союзники уже были слишком отвращены игом этого народа, чтобы уступить ему. Афинское превосходство ежечасно подтверждали таланты, осанка, приветливые и любезные манеры Аристида. К нему присоединился соратник с высоким наследственным именем и сильными природными способностями, с характером которого вскоре придется подробно ознакомиться читателю. Этим соратником был не кто иной, как Кимон, сын великого Мильтиада.

XVI. Доркис, обнаружив, что его притязания успешно опровергнуты, вернулся домой; а спартанцы, никогда не склонные к иностранным предприятиям, искавшие предлога, чтобы освободить себя от дальнейшего ведения персидской войны, и опасавшиеся, что возобновление раздоров может только сделать еще более непопулярным спартанское имя, не посылали новых претендентов на командование; они с радостным удовлетворением уступили эту честь афинянам. Так, без единого удара и при содействии самого страшного соперника, произошла та богатая событиями революция, которая внезапно вознесла Афины, столь незначительное государство до Персидской войны, к верховенству над Грецией. Так часто, когда народы имеют равную славу, один из них может быть превзойден другим (477 г. до н. э.) благодаря мудрости отдельных людей. Победа при Платее была одержана в основном Спартой, которая тогда стояла во главе Греции. И полководец, покоривший персов, отдал результаты своей победы тому самому союзнику, от которого проникательная ревность его соотечественников старалась тщательнейшим образом исключить даже меры предосторожности для защиты!

XVII. Аристид, получивший в свое распоряжение всех союзников, кроме тех, что вернулись домой из Пелопоннеса, укреплял афинскую власть всяческим подобием умеренности.

До сих пор греческие конфедераты посылали своих депутатов в Пелопоннес. Аристид, вместо того чтобы назвать Афины, что могло бы возбудить новую ревность, предложил священный остров Делос, место, особенно подходящее, поскольку когда-то он был пупом ионийской торговли, в качестве места созыва и общего казначейства: храм должен был стать домом сената. Было принято новое распределение налогов, взимаемых с каждого государства на содержание лиги. Цели лиги были как оборонительные, так и наступательные: во-первых, охрана эгейских берегов и греческих островов, во-вторых, принятие мер для дальнейшего ослабления персидской державы. Аристид был избран арбитром при определении пропорций общего налогообложения. На этом посту, предоставившем в его распоряжение все сокровища Греции, он действовал с такой бескорыстной добродетелью, что даже не вызвал подозрений в собственном обогащении, и с таким редким состоянием, что удовлетворил всех союзников. Общая сумма, собираемая ежегодно и с соблюдением строжайшей беспристрастности, составила четыреста шестьдесят талантов (в пересчете на сто пятнадцать тысяч фунтов стерлингов).

Греция оглашалась похвалами Аристиду; впоследствии она столь же громко порицала скупость афинян. Ведь с назначением Аристида началось учреждение должностных лиц, называемых эллинотами, или казначеями Греции; они стали постоянной магистратурой, находились под контролем афинян; таким образом, этот народ стал одновременно и полководцем, и казначеем Греции. Но афиняне, еще не понимая, какой власти они достигли, и их союзники, еще более ослепленные, - казалось, что чем больше последние доверяли, тем больше первые должны были скрывать. Так и самые важные результаты возникают по

причинам, не предусмотренным провидением государственных деятелей, и отсюда мы узнаем истину, которую никогда не следует забывать, - что та власть всегда наиболее уверена в своей прочности и масштабах, начало которой становится популярным благодаря умеренности.

XVIII. Так, после распада Истмийского конгресса, возникла великая Ионическая лига; и таким образом перед честолюбием Афин открылась великолепная судьба империи греческих морей. Превосходство Спарты ушло от нее незаметно и без борьбы, и, уединившись в себе, она, вероятно, не осознавала падения своего авторитета; она по-прежнему видела, как вокруг нее собираются ее пелопоннесские союзники, подчиненные и покорные, и, отказываясь от помощи, отказывалась и от верности новой царице Ионической лиги. Выполнив свою задачу, Аристид, вероятно, вернулся в Афины, и именно в это время и впредь его политикой стала поддержка власти Кимона против власти Фемистокла [140]. Этому евпатриду, соединенному ранее с ним самим, теперь было доверено командование греческим флотом.

К большим природным способностям Кимон добавил все преимущества рождения и обстоятельств. Его мать была дочерью фракийского князя Олора, отец - великого Мильтиада. После смерти последнего, как сообщается, и по распространенному мнению, Кимон, неспособный заплатить штраф, к которому был приговорен Мильтиад, был заключен под стражу, пока богатый брак, заключенный его сестрой Эльпиникой, к которой он был нежно и, как шептались древние скандалисты, неправильно привязан, не освободил его из заточения, и шурин не заплатил долг. "Таким суровым и жестким, - говорит Непос, - было его вступление в мужскую жизнь". [141] Но очень сомнительно, что Цимон когда-либо сидел в тюрьме за государственный долг, взятый на себя его отцом, а его богатство, судя по всему, было значительным еще до того, как он вернул свою вотчину в Херсонесе или обогатился за счет персидских трофеев. [142]

В ранней юности, как и Фемистокл, его поведение было диким и беспутным [143]; вместе с отцом, с детства, он приобрел, с опытом, нечто вроде свободы в лагерях. Как и Фемистокл, он был мало искушен в изящных достижениях своих соотечественников; он не овладел ни искусством музыки, ни блеском аттической беседы; но власть и удача, которые всегда смягчают природу, впоследствии сделали его привычки интеллектуальными, а вкусы утонченными. Он не обладал гладкой и искусной приветливостью Фемистокла, но к некоторой грубости манер присоединилась та сердечная и бесхитростная откровенность, которая всегда примиряет людей, особенно в свободных государствах, и которая становится еще более популярной, когда соединяется с рангом. Он очень отличился своим рвением во время вторжения в Медию и дезертирства из Афин в Саламине; его доблесть в морском бою подтвердила обещание его прежней пылкости. Природа одарила его красивым лицом и величественной фигурой, которые рекомендовались во всех, но особенно в народных государствах, и сын Мильтиада был принят не только народом, но и вельможами, когда он попросил участия в управлении государством. Связанный с Аристом сначала в посольстве в Спарту, а затем в экспедициях на Кипр и в Византию, он пользовался дружбой и уроками этого великого человека, к партии которого он принадлежал и который видел в Цимоне менее заклятого противника, чем он сам, для политики и амбиций Фемистокла.

По совету Аристида, Кимон рано начал искать все средства, чтобы примирить союзников и проложить путь к безраздельному командованию, которое он впоследствии получил. Не исключено, что Фемистокл охотно уступил бы ему руководство иностранной экспедицией, которая удалила бы из города столь возвышенного и активного противника. Назначение Кимона обещало умиротворить спартанцев, которые всегда составляли определенную

партию в афинской аристократии - те, кому Кимон был особенно симпатичен, и чьим твердым характером и олигархической политикой тупой гений и наследственные предрассудки молодого аристократа были вполне способны восхищаться и подражать. Одним словом, Кимон был именно тем человеком, которого хотели видеть в качестве антагониста Фемистокла три партии: спартанцы, вельможи и сам Аристид. Все сговорилось, чтобы вознести сына Мильтиада на высоту, превышающую его годы, но не его возможности.

XIX. При Кимоне афиняне начали свое командование [144] походом на фракийский город Эйон, расположенный на берегу реки Стримон, который теперь был гарнизоном персидской знати. Город был осажден (476 г. до н. э.), а жителей давил голод, когда персидский комендант, собрав свои сокровища на кучу дров, на которой лежали его рабы, женщины и дети, поджег эту кучу [145]. После этого самоубийства, похоже, нередкого на Востоке, гарнизон сдался, а его защитники, как обычно в таких войнах, были проданы в рабство.

Из Эйона победоносные конфедераты отправились на Скирос, небольшой остров в Эгейском море, населенный долопийцами - племенем, склонным к пиратству, заслуженно вызывающим недовольство торговцев Эгейского моря и уже навлекавшим на себя гнев и месть амфикионийского собрания. После захвата острова и изгнания пиратов территория была колонизирована аттическим населением.

По древней традиции, как мы уже видели, земля Скироса была удостоена владения костями афинского Тесея - через несколько лет после завоевания острова, в архонтство Апсиона [146], или Апсефиона, оракул повелел афинянам искать останки их национального героя, и был обнаружен скелет человека огромного роста, с медным копьем и мечом на боку, который сразу же был приписан Тесею. Кости были с большой церемонией помещены на галеру Кимона, который в то время, вероятно, осматривал новую колонию, и перевезены в Афины. В честь этого события были учреждены игры, на которых были представлены состязания трагических поэтов; в первом из них Софокл, как говорят, появился раньше всех и выиграл приз у Эсхила (469 г. до н. э.).

XXI. Именно к периоду завоевания Кимоном Эйона и Скироса (476 г. до н. э.) следует отнести упадок могущества Фемистокла. Этот выдающийся человек уже успел добавить, как к внутренней, так и к спартанской вражде, общее недовольство союзников. После того как спартанцы провалили предложение об изгнании из Амфикионии государств, не присоединившихся к антиперсидской конфедерации, он объехал острова и стал вымогать деньги у тех, кто был виновен в мединстве: предлог мог быть справедливым, но поборы были непопулярны. Не исключено, что обвинения в его адрес в обогащении как собственной казны, так и государственной имели под собой основания. Глубоко презирая деньги только как средство достижения цели, он был не слишком щепетилен в отношении источников, из которых черпал силы, которые, однако, добросовестно использовал в патриотических целях. Служа прежде всего своей стране, он служил и себе; честный в одном большом и систематическом принципе, он часто был нечестен в деталях.

Его природный нрав был также показным; подобно многим, кто возвысился из сравнительно скромного происхождения, он имел тщеславие стремиться затмить своих родовитых предшественников - не столько блеском гения, сколько пышностью парада. На Олимпийских играх рожденный в нищете сын Неоклеса превосходил пышностью богатого и прославленного Цимона; его стол был гостеприимным, а жизнь - мягкой и пышной [147]; его свита была многочисленнее, чем у современников; он перенимал манеры знати ровно в той мере, в какой добивался расположения народных масс. Эта привычная показуха не могла не смешать с политической враждой аристократии презрительную ревность оскорбленной

гордости; ведь слабость высокородных всегда заключается в том, что они легче прощают, когда их превосходят в гениальности, чем когда их затмевают в состоянии люди низшего происхождения. Та же надменность, которая оскорбляла вельмож, стала вызывать недовольство и у народа; превосходное сознание собственных достоинств ранило тщеславие нации, которая едва ли позволяла своим величайшим людям разделять ту славу, которую она присваивала себе. Частые клеветы, произносимые против него, вынудили Фемистокла ссылаться на совершенные им поступки; и то, что было славно исполнить, стало отвратительно повторять. "Неужели ты устал, - с горечью говорил великий человек, - часто получать блага из одних и тех же рук?" [148] Он еще больше оскорбил национальное самолюбие, построив по соседству со своей резиденцией храм Дианы под названием Аристокбул, или "Диана лучших советов"; таким образом, казалось, он присваивал себе заслугу давать лучшие советы.

Однако вполне вероятно, что Фемистокл победил бы всю партийную оппозицию и что его высокие качества с лихвой компенсировали бы его недостатки в глазах народа, если бы он продолжал возглавлять народную волну. Но пришло время, когда демагог был переигран аристократом, когда движение, которое он уже не возглавлял, оставило его позади, а гений отдельного человека уже не мог идти в ногу с гигантскими шагами наступающего народа.

XXII. За победой при Саламине последовали демократические результаты. Эта победа была одержана моряками, которые в большинстве своем принадлежали к низшим слоям населения, и, следовательно, низшие слои населения стали претендовать на политическое равенство, чтобы получить награду за военную службу. Аристотель, чей проницательный ум не мог не заметить изменений, которые столь славное для Греции событие произвело в Афинах, привел аналогичный пример изменений в Сиракузах, когда мореплаватели этого государства, в более поздний период покорив афинян, превратили смешанную республику в чистую демократию. Разрушение домов и имущества Мардоном, временное оставление афинянами родной земли, общая опасность и общая слава разрушили многие старые различия, и дух нации уже был гораздо более демократичным, чем конституция. До сих пор для занятия гражданских должностей требовался имущественный ценз. Но после битвы при Платее Аристид, лидер аристократической партии, предложил и провел отмену таких требований, разрешив всем гражданам, с имуществом или без, участвовать в управлении и постановив, что архонты должны выбираться из всего народа; при этом по-прежнему необходимо было проводить расследование по поводу морального облика. Это изменение, как и все аристократические реформы, было компромиссом [149] между уступками и требованиями. И благоразумный Аристид уступил то, что было неизбежно, чтобы предотвратить большую опасность сопротивления. Всегда можно заметить, что народ больше ценит уступку от аристократической партии, чем благодеяние от своих собственных популярных лидеров. Последние никогда не могут сравняться, а первые так легко превосходят ожидания общества.

XXIII. Этот декрет, объединивший аристократическую и демократическую партии, дал Аристиду и его друзьям неоспоримое превосходство над Фемистоклом, которое, однако, во время отсутствия Аристида и Кимона и в связи с захватывающим волнением зарубежных событий, не было явно заметно в течение нескольких лет; и хотя по возвращении в Афины сам Аристид благоразумно не стал принимать активного участия в борьбе со своим древним соперником, он все же предоставил все влияние своего имени и дружбы теперь уже могущественному и популярному Кимону. Победы, манеры, богатство, рождение сына Мильтиада были подкреплены его талантами и честолубием. Для него самого и для его

партии было очевидно, что, если Фемистокл будет смещен, Кимон станет первым гражданином Афин.

XXIV. Таковы были причины, которые долгое время тайно подрывали, а в конце концов открыто штурмовали авторитет героя Саламины; и на этом этапе мы можем заключить, что пороки его характера отомстили за добродетели. Его двуличность и дух интриги, проявленные в интересах его страны, как можно предположить, впоследствии будут направлены против нее. А гордость, честолюбие, хитрость, спасшие народ, могли послужить для создания деспота.

Фемистокл был вызван на испытание остракизмом и осужден большинством голосов (471 г. до н. э.). Таким образом, как и Аристид, он не был наказан за проступки, но понес почетное наказание за то, что благодаря гению возвысился до того положения, которое угрожает равенству республик.

Он покинул Афины и избрал своим убежищем Аргос, чья ненависть к Спарте, его смертельному врагу, обещала ему самую надежную защиту.

XXV. Вскоре после этого смерть отстранила Аристида от соперничества с Кимоном; согласно наиболее вероятным версиям, он умер в Афинах, и во времена Плутарха его памятник еще можно было увидеть в Фалеруме. Его соотечественники, которые, несмотря на все правдоподобные обвинения, никогда не были неблагодарными, кроме тех случаев, когда их свобода оказывалась под угрозой (справедливо или нет, наши документы слишком скудны, чтобы доказать это), воздвигли ему памятник за государственный счет, разделили трех его дочерей и наградили сына Лисимаха грантом в сто миней серебра, плантацией в сто плетров [150] земли и пенсией в четыре драхмы в день (двойной размер содержания афинского посла).

ГЛАВА II.

Популярность и политика Цимона.- Наксос восстает против Ионической лиги.- Осажден Цимоном.- Заговор и судьба Павсания.- Бегство и приключения Фемистокла.- Его смерть.

I. Военные способности и ранние привычки Кимона, естественно, сговорились с прошлыми успехами, чтобы направить его честолюбие скорее на военные, чем на гражданские дела. Но он не был невнимателен к искусствам, которые были необходимы в демократическом государстве для обеспечения и подтверждения своей власти. Наследуя некогда столь любимому и столь приветливому Фемистоклу, он тщательно старался предотвратить все невыгодные контрасты. Из трофеев Византии и Сестоса он получил огромное дополнение к своему наследственному состоянию. А распределяя свои сокровища, он пресекал всякую зависть к их размерам. Он открыл свои сады для публики, будь то иностранцы или горожане, держал стол, к которому свободно прибегали люди любого ранга, хотя, вероятно, только из его собственного племени [151]- его сопровождала многочисленная свита, которой было приказано давать мантии любому встречному гражданину - пожилому и плохо одетому - и облегчать нуждающихся, деликатно и тайно распределяя цели. Этими хитроумными приемами он сделал себя любимым и скрыл одиозность своей политики под маской благотворительности. И хотя он добивался благосклонности народа, но не исполнял его желаний. Он встал на сторону аристократической партии и не скрывал своей привязанности к олигархии Спарты. Он стремился довольствовать народ собой, чтобы тем лучше предотвратить недовольство его положением. Но можно сомневаться, не усилил ли Кимон, как никто из его предшественников, опасности демократии, вульгаризировав ее дух.

Система всеобщей милостыни и открытых столов имела тот же эффект, что и злоупотребления Законов о бедных [152] у нас. Она приучила местных бедняков к привычкам праздных нищих, и то, что поначалу было благотворительностью, вскоре приобрело вид права. Отсюда во многом ленивое буйство и разнузданный дух поборов с богатых, которые в последующую эпоху были характерны для афинских толп. Так и подневольное великодушие, свойственное антинародной партии, когда она проявляет доброту, чтобы не допустить уступок, в конечном итоге работает против ее собственных тайных замыслов. И гораздо менее опасно возвышать конституционными постановлениями власть народа, чем баловать предвыборными уговорами эгоистичные амбиции, предрассудки, которые таким образом превращаются в пороки, или сиюминутные желания, которые таким образом закрепляются в постоянные требования.

II. В то время как искусство или манеры Цимона примиряли благосклонность, его честность завоевывала уважение народа. В Аристиде он нашел пример не столько своей аристократической политики, сколько своей высокой чести. Один дезертир из Персии, прибыв в Афины с большими сокровищами и преследуемый доносчиками, искал защиты у Цимона, поднося ему денежные подарки.

"Кто я тебе, - сказал афинянин, улыбаясь, - наемник или друг?"

"Мой друг!" - ответил варвар.

"Тогда заberi свои дары". [153]

III. Тем временем новое господство Афин уже находилось под угрозой. Карийцы на соседнем острове Эвбея открыто бросили вызов ее флоту, а многие из конфедеративных государств, видя, что избавлены от непосредственного страха перед новым вторжением медяков, стали прекращать взносы как в афинский флот, так и в общую казну. Из-за неминуемой опасности служба стала обременительной, а налоги - одиозными. И без того небезосновательная ревность к амбициям Афин усиливала нежелание увеличивать их мощь. Наксос был первым островом, восставшим против условий лиги, и туда Кимон, уменьшив численность карийцев, направил многочисленный и хорошо оснащенный флот.

Каковы бы ни были тайные замыслы Цимона по возвеличиванию своей страны, он не мог не чувствовать, что его побуждает собственный гений и народные ожидания нелегко отказаться от этой морской империи, доставшейся Афинам благодаря глубокой политике Фемистокла и удачливому благоразумию Аристиды; Все мотивы греческой и афинской политики оправдывали покорение мятежников - очевидная истина в науке государственной политики, но несколько поспешно упущенная из виду теми историками, которые в последующих и непредвиденных результатах забыли о необходимости предыдущего предприятия. Греция добровольно доверила Афинам морское командование конфедеративными государствами. Следовательно, Греция должна была рассчитывать на то, что национальные ресурсы, находящиеся в ее ведении, не уменьшатся; что условия лиги будут выполнены, а общая безопасность Греции обеспечена. Командуя войсками, она отвечала за дезертиров. Хотя Персия в настоящее время оставалась спокойной и бездеятельной, конфедераты не могли считаться защищенными от ее мести. Никакого мирного договора заключено не было. Более чем подозрительные интриги Ксеркса с Павсанием были достаточным доказательством того, что великий царь еще не отчаивался в покорении Греции. А опасность, которую ранее понесло отсутствие союза между несколькими государствами, была торжественным предупреждением не терять преимуществ этой лиги, столь запоздалой и столь кропотливо скрепленной. Афины не могли без великого бесчестия и без великой неосторожности отказаться от контроля, которым они были наделены; если они должны были предоставить

средства, то они должны были наказать неплательщиков; и ее долг перед Грецией таким образом достойно и справедливо поддерживал ее амбиции по отношению к себе.

IV. А теперь необходимо вернуться к судьбе Павсания, которая повлекла за собой гибель одного из самых высоких добродетелей и несомненной славы. Отзыв Павсания, наложенный на него штраф, едва избежавший более сурового приговора, не смогли отвлечь его, опьяненного своими надеждами и страстями, от смелых и опасных интриг. Не исключено, что его разум уже был запятнан определенным безумием [154]. И это любопытный физиологический факт, что неестественные ограничения в Спарте, когда они действовали на сильные страсти и пылкое воображение, похоже, нередко вызывали вид безумия. Зафиксирован анекдот [155], который, хотя и романтичен, но, возможно, не совсем сказочен, и который придает судьбе завоевателя Платеи еще более драматический интерес.

В Византии, как гласит история, он страстно влюбился в юную деву по имени Клеоника. Потрясенные его силой и суровостью, родители отдали ее в его волю. Скромность девы заставила ее оговорить, что в комнате будет полная темнота, когда она будет пробираться к нему в объятия. Но, к несчастью, войдя в комнату, она споткнулась о свет, и спартанец, спавший в это время, в смятении от внезапного пробуждения решил, что шум был вызван тем, что один из его многочисленных врагов искал его покои с целью убийства. Схватив лежавший рядом персидский циметр [156], он вонзил его в грудь незваного гостя, и предмет его страсти замертво упал к его ногам. "С того часа, - говорит биограф, - он больше не мог успокоиться!" Призрак преследовал его по ночам - голос убитой девушки возвещал ему о гибели. К этому добавляется, и если мы еще больше расширим нашу веру, то должны будем приписать явление искусству жрецов, что, все еще мучимый призраком Клеоники, он обратился к тем знаменитым некромантам, которые в Гераклее [157] вызывали мрачными заклинаниями человеческие существа мертвых, и с их помощью вызвал дух, которого он хотел успокоить. Тень Клеоники явилась и сказала ему, "что вскоре после возвращения в Спарту он будет избавлен от всех своих бед". [158]

Такова была легенда, повторенная, как рассказывает Плутарх, многими историками; сам поступок был вероятен, и совесть, даже без некромантии, могла предоставить призрак.

V. Независимо от того, имеет ли эта история под собой какую-либо основу, поведение Павсания, по крайней мере, похоже на ту беспечность, которая, согласно древнему суеверию, предшествовала мести богов. После суда он вернулся в Византию без согласия спартанского правительства. Подгоняемый негодованием афинян [159], он направился не в Спарту, а в Колон, расположенный в Малой Азии, в окрестностях древней Трои, и там возобновил переговоры с персидским царем. Узнав о его замыслах, бдительные эфоры отправили к нему глашатая со знаменитой косой. Этот инструмент был свойственен спартанцам. Каждому генералу или адмиралу полагался длинный черный посох; магистраты держали еще один точно такой же. Когда им нужно было сделать какое-либо сообщение, они писали его на рулоне пергамента, прикладывали к своему посоху, сгиб за сгибом, а затем, отрезав, передавали начальнику. Иероглифы были написаны таким образом, что до прикрепления к посоху они были запутанными и неразборчивыми, и, таким образом, их мог истолковать только тот, для чьего глаза они предназначались, и кому был доверен посох.

Сообщение, которое получил Павсаний, действительно было суровым и лаконичным. "Оставайся, - говорилось в нем, - за глашатаем, и спартанцы объявляют тебе войну".

Получив этот торжественный приказ, даже властный дух Павсания не решился послушаться. Подобно Венеции, на чью суровую, мучительную, но энергичную политику во многом походила ее олигархия, Спарта обладала нравственной и таинственной властью над самым

свирепым из своих сыновей. Судьба держала его в своих руках, и, уверенный в своем оправдании, регент, вместо того чтобы бежать в Персию, поспешил навстречу своей гибели, уверенный, что с помощью золота он сможет отвести от себя любые обвинения. Его ожидания оказались настолько обоснованными, что, хотя, несмотря на звание регента королевства и опекуна короля, он был брошен эфорами в тюрьму, ему удалось своими интригами и влиянием добиться ее расширения и, смело бросив вызов своим обвинителям, он предложил им предстать перед судом.

Однако правительство медлило с действиями. Гордая осторожность спартанцев не желала навлекать на свой дом скандал публичным разбирательством в отношении любого свободнорожденного гражданина, тем более в отношении дяди своего монарха и героя своих армий! Его сила, таланты, властный характер вызывали и личную вражду, и общественное недоверие. Но его надменное пренебрежение к строгим законам и постоянное притворство варварской пышности заставляли правительство быть бдительным; и хотя его выпустили из тюрьмы, суровые эфоры оставались его часовыми. Беспокойный и недовольный ум ожидаемого зятя Ксеркса не мог отказаться от своих дерзких замыслов. И регент Спарты вступил в заговор, о котором хотелось бы, чтобы наши сведения были более распространены.

VI. Пожалуй, ни один класс людей в древности не вызывал более болезненного и глубокого интереса, чем гелоты Спарты. Хотя, как мы уже видели, мы должны отбросить все риторические преувеличения дикой жестокости, которой они подвергались, мы знаем, по крайней мере, что их рабство было самым тяжелым из всех, налагаемых греческими государствами на своих рабов [160], и что железные солдаты Спарты подвергались постоянной и неизбежной опасности из-за их восстаний - доказательство того, что проклятие их рабства перешло от степени, которая покоряет дух, к степени, которая возбуждает, и что ни многолетняя привычка, ни мечи самых свирепых воинов, ни шпионы самого зоркого правительства Греции не смогли полностью изгнать из человеческих сердец тот закон природы, который, когда вред переходит отведенную, но редко видимую крайность, превращает страдание в сопротивление.

Рассеянные в большом количестве по суровым территориям Лаконии, отделенные от присутствия, но не от присмотра своего хозяина, эти необычные крепостные никогда не оставляли надежды на свободу. Часто вступая в бой, чтобы помочь своим хозяевам, они обретали мужество, чтобы противостоять им. Свирепые, угрюмые и мстительные, они были как стада дикого скота, оставленные на произвол судьбы, пока не потребуются ноша или нож - их не трудно зарезать, но невозможно приручить.

Мы видели, что значительное число этих гелотов сражалось в качестве легковооруженных войск при Платее; общая опасность и общая слава объединили рабов армии с вождем. Впадая в отчаянное и мстительное честолубие, которое при подобной конституции одушевляло Марино Фальеро, Павсаний стремился с помощью поработанной толпы освободиться от рабства олигархии, державшей в подчинении и князя, и раба. Он подговаривал гелотов и тайно обещал им права и свободы граждан Спарты, если они будут сотрудничать с его проектами и восставать по его приказу.

У рабов никогда не бывает предателей, и эфоры узнали о преднамеренной революции от самих гелотов. И все же, медлительные и настороженные, эти тонкие и надменные магистраты приостановили удар - ведь не без веских доказательств царский спартанец должен был быть осужден по слову гелотов: они продолжали бдительность - и получили требуемые доказательства.

VII. Спартанцу Аргилию, с которым Павсаний некогда установил порочную связь, свойственную дорийским племенам, и который пользовался его доверием, регент доверил письма к Артабазу. Аргилий вспомнил, что никто из тех, кому было доверено подобное поручение, никогда не возвращался. Он вскрыл печати и прочел то, что предвещало его опасения: по прибытии ко двору сатрапа молчание гонца будет куплено его смертью. Он отнес пакет к эфорам. Этот темный и заговорщический совет решил еще больше опутать свою виновную жертву и из его собственных уст выведать ее тайну; поэтому они приказали Аргилию укрыться в качестве молящегося в святилище храма Нептуна на горе Таенарус. Внутри святилища была устроена келья, в которую через двойную перегородку были допущены некоторые из эфоров, которые, спрятавшись там, могли наблюдать за всем происходящим.

Вскоре Павсаний узнал, что вместо того, чтобы отправиться к Артабазу, его наперсник укрылся в храме Нептуна в качестве молящегося. Встревоженный и озабоченный, регент поспешил к святилищу. Аргилий сообщил ему, что прочитал письма, и горько упрекнул его в измене самому себе. Павсаний, сбитый с толку и побежденный опасностями, которые его окружали, признал свою вину, откровенно рассказал о содержании письма, просил прощения у Аргилия и обещал ему безопасность и богатство, если он покинет святилище и продолжит миссию.

Эфоры из своего укрытия все слышали.

С уходом Павсания из святилища его судьба была предрешена. Но к более общественным причинам предыдущей задержки правосудия следует отнести дружбу некоторых эфоров, которую Павсаний завоевал или купил. Наступил момент, назначенный для его ареста. Павсаний был на улице один и шел пешком. Он увидел, что к нему приближаются эфоры. Сигнал одного из них предупредил его об опасности. Он повернулся и бросился бежать. Храм Минервы Халкиоэка, расположенный неподалеку, предлагал святилище, и он вошел в небольшой дом, стоящий недалеко от храма. Эфоры, офицеры, толпа преследовали его; они окружили убежище, из которого было нечестиво вытаскивать преступника. Решив убить его, они сняли крышу, завалили входы (и если верить анекдоту, что нарушение человеческой природы было свойственно спартамцам, его мать, великовозрастная женщина [161], предложила средство наказания, положив собственной рукой камень у порога) - и, выставив вокруг стражу, оставили покорителя Мардония умирать от голода. Когда он был на последнем издыхании, не желая осквернять святилище своей смертью, они вынесли его на открытый воздух, которым он дышал только для того, чтобы умереть [162]. Его труп, который некоторые из самых свирепых спартамцев сначала намеревались бросить в место погребения злоумышленников, впоследствии был похоронен в окрестностях храма. Так закончилась слава и преступления - честолубие и роскошная показуха - смелого спартамца, который сначала презирал, а затем подражал женоподобности покоренных им персов.

VIII. Среди документов, которыми эфоры завладели после смерти Павсания, была переписка с Фемистоклом, проживавшим тогда в соперничавшем и враждовавшем с ним государстве Аргос. Мстительное к этому герою спартамское правительство отправило послов в Афины, обвинив его в участии в заговоре Павсания с медяками. Похоже, что Фемистокл не отрекся от переписки с Павсанием и не демонстрировал абсолютного незнания его замыслов, но в письме - единственном способе защиты - он решительно отрицал всякое одобрение и участие последнего. Нет ни доказательств, ни справедливых оснований для подозрений, что он был участником предательства Греции. Это вполне соответствовало его пронзительному характеру - замышлять, лавировать, интриговать, но ради великих, а не ничтожных целей. Овладев секретом, он получил власть над Павсанием, и эта информация,

возможно, позволила бы ему сорвать измену спартанца в час реальной опасности для Греции. Возможно, что, пока речь шла только о Спарте, афинянин не испытывал особого отвращения к революции или опасности, связанной с государством, чьи советы были целью его жизни, и чья власть была явно заинтересована в том, чтобы ослабить его родной город. Он мог бы с благодушием взирать на интриги, которые регент вел против спартанского правительства и которые грозили потрясти дорическую конституцию до основания. Но ничто, ни свидетельства истории, ни характер или поведение человека, глубоко патриотичного даже в своих пороках, не позволяет предположить, что он попустительствовал планам, в которых вместе с греками было замешано афинское благополучие. Павсаний, гораздо менее способный, вероятно, был его инструментом. Вникая в его проекты, Фемистокл мог рассчитывать на восстановление собственной власти. Ослабить спартанское влияние означало ослабить его собственных врагов в Афинах; разрушить спартанскую конституцию означало оставить Афины без соперника. А если после восстания гелотов Павсаний перейдет к активному союзу с персами, Фемистокл достаточно знал Афины и Грецию, чтобы предвидеть, что все взоры будут обращены именно на победителя Саламины и основателя греческого флота. Таковы, по-видимому, наиболее вероятные взгляды, которые открылись изгнаннику благодаря сообщениям Павсания. Если это так, то они обязательно были слишком тонкими, чтобы толпа могла проникнуть в них или понять. Афиняне слышали только обвинения спартанцев; они видели только измену Павсания; они узнали только, что Фемистокл был корреспондентом предателя. Уже подозревая гения, чьи глубокие и запутанные козни им редко удавалось разгадать, и трепеща от кажущейся опасности, которой они избежали, афиняне, вполне естественно, уступили требованиям послов. Афинянам, вместе с лакедемонским отрядом, было приказано схватить Фемистокла, где бы он ни находился. Поняв, что ему грозит опасность, он поспешно покинул Пелопоннес и укрылся на Корсире. Опасаясь мести Афин и Спарты, корсирцы отказали ему в убежище, но с честью переправили его на противоположный континент. Его путь был обнаружен, преследователи настигли его. Он вступил в страну Адмета, царя молоссов, от гнева которого ему было чего опасаться. Ведь он уговорил афинян отказаться от союза, которого когда-то добивался этот монарх, и Адмет поклялся отомстить.

В таком положении беглец принял решение, которое мог придумать только великий ум и которое представляет нам одну из самых трогательных картин в древней истории. Он отправился во дворец самого Адмета. Принц отсутствовал. Он обратился к своей супруге и, посоветовавшись с ней, взял на руки маленького ребенка царской пары и сел у очага - "ТЕМИСТОКЛ СЧАСТЛИВ!" [163] По возвращении принца он назвал его имя и попросил не мстить изгнаннику. "Осудить меня сейчас, - сказал он, - значило бы воспользоваться бедой. Честь велит мстить только равным на равных. Правда, когда-то я выступал против вас, но не по жизненному, а по деловому или заинтересованному поводу. Отдав меня в руки моих гонителей, вы лишаете меня последнего убежища - самой жизни".

IX. Адмет, сильно пораженный, велел ему подняться и заверил его в защите. Преследователи прибыли; но, верный гостю, искавшему его очаг, Адмет, после торжественной формы, свойственной молоссам, отказался выдать его и отправил с охраной в морской город Пидну по трудной и сложной горной дороге. Достигнув приморского города, он, переодетый и неизвестный всем пассажирам, сел на торговое судно, направлявшееся в Ионию. Поднялась буря, судно сбилось с курса и понеслось прямо на афинский флот, который под командованием Кимона, его злейшего врага, стоял перед островом Наксос (466 г. до н. э.).

Проворный и смелый в своих действиях, Фемистокл отвел в сторону хозяина судна - обнаружил себя; пригрозил, что в случае предательства донесет на хозяина как на

подкупленного за побег; пообещал, что в случае спасения будет вечно благодарен, и убеждал, что сохранение возможно, если никому во время плавания не будет позволено под любым предлогом покинуть судно.

Хозяин судна был побежден, продержался в море день и ночь по ветру от флота и высадил Фемистокла в безопасности в Эфесе.

Тем временем друзья Фемистокла не бездействовали в Афинах. После предполагаемого раскрытия его измены все его имущество, которое могло попасть в руки правительства, было, как обычно в таких случаях, конфисковано в общественное пользование; сумма, по разным оценкам, составляла восемьдесят и сто талантов [164]. Но большая часть его богатств - часть из Афин, часть из Аргоса - была тайно переправлена ему в Эфес [165]. Один верный друг обеспечил побег его жены и детей из Афин ко двору Адмета, и за это преступление привязанности один историк, Стесимброт (чье утверждение ставит под сомнение даже доверчивый Плутарх и доказывает, что оно противоречит другому утверждению того же автора), записал, что он был приговорен к смерти Кимоном. Не на основании таких сомнительных хроник мы можем вынести столь большое пятно на характер человека, отличавшегося исключительной гуманностью". [166]

Х. Поскольку мы уже навсегда потеряли из виду Фемистокла на сцене афинской политики, сейчас самый подходящий случай завершить историю его дикой и авантюрной карьеры.

Преследуемый спартанцами, покинутый своими соотечественниками, отвергнутый всей Грецией, человек, сокрушивший могущество Персии, не имел другого убежища, кроме персидского двора. Щедрая и высокодуховная политика, характерная для восточной деспотии по отношению к своим врагам, предложила ему не только безопасное, но и великолепное убежище. Персидские монархи всегда были готовы принять изгнанников Греции и примирить тех, кого им не удалось завоевать. Фемистоклу выпала участь быть спасенным врагами своей страны. У него не было альтернативы. Само обвинение в попустительстве мидянам толкало его в их объятия.

Под руководством перса Фемистокл пересек Азиатский континент и, прежде чем добраться до Суз, позаботился о том, чтобы при персидском дворе было доставлено письмо, которое могло бы подготовить ему путь. Его письмо было написано примерно так, если мы можем предположить, что Фукидид сохранил смысл, хотя он, несомненно, создал стиль. [167]

"Я, Фемистокл, который из всех греков нанес самые тяжелые раны вашему роду, пока судьба призывала меня противостоять нашествию персов, теперь прихожу к вам". (Затем он заявил, что оказал услуги Ксерксу в его посланиях после Саламины, связанных с разрушением мостов, приняв за должное то, на что он ни в коем случае не имел права, и настаивал на том, что его щедрость требует отдачи). "Способный, - продолжал он, - оказать великие услуги, преследуемый греками за мою дружбу к тебе, я нахожусь рядом. Дайте мне лишь годичную передышку, чтобы я мог лично сообщить вам о цели моего путешествия сюда".

Смелый и уверенный тон Фемистокла поразил воображение молодого царя (Артаксеркса), и он дал положительный ответ. Целый год Фемистокл потратил на то, чтобы в совершенстве изучить язык, обычаи и нравы страны. Затем он попросил и получил аудиенцию. [168]

Способный бегло говорить, не прибегая к услугам переводчика, его природные способности достигли своего уровня. Он мгновенно завоевал расположение. Никогда еще незнакомец не удостоивался такой чести. Он получил легкий доступ к царской особе, был обучен знаниям

магов, а когда покинул двор, то получил в управление три города - Миус, славившийся своими провиантами, Лампсак - виноградниками и Магнезию - богатством почвы, так что, в соответствии с духом и фразеологией восточного налогообложения, не без основания можно было сказать, что они были присуждены ему за мясо, вино и хлеб.

XI. В таком достатке и почестях Фемистокл провел в Магнезии остаток своих дней - время и способ его смерти точно не известны; то ли его оборвала естественная болезнь, то ли, как утверждают другие [169], судьба, более подходящей для завершения его романтической и великой карьеры не могла придумать сама фантастика. Говорят, что когда впоследствии восстал Египет, и этому восстанию помогли афиняне; когда греческий флот доплыл до Киликии и Кипра, а Кимон отстаивал без соперников новый суверенитет на морях; когда Артаксеркс решил противостоять растущей мощи государства, которое из обороняющегося превратилось в нападающее, Фемистокл получил мандат на реализацию данных им туманных обещаний и начал операции против Греции (до н. э. 449). С. 449). После этого (если вместе с Плутархом принять эту версию его судьбы) ни обида на народ, который он считал неблагодарным, ни его нынешняя пышность, ни страх за жизнь не могли побудить повелителя Магнезии обесчестить свои прошлые заслуги [170] и уничтожить бессмертные трофеи. Желая лишь достойно умереть - ведь жить так, как подобало ему, было уже невозможно, - он торжественно принес жертву богам, оставил друзей и закончил свои дни, приняв яд.

Его памятник долгое время стоял на форуме Магнезии; но его кости, как говорят, по его собственному желанию, были тайно перенесены обратно в Атику и упокоились в любимой земле, изгнавшей его из своего лона. И эта его последняя просьба трогательно доказывает его преданность Афинам и провозглашает его прощение за ее преследования. Несомненно, по крайней мере, что, как бы ни почитали его в Персии, он никогда не совершил ни одного деяния против Греции; и что, если он и был запятнан подозрениями других, его слава осталась незапятнанной им самим. Он умер, согласно Плутарху, на шестьдесят пятом году жизни, оставив много детей и передав свое имя многочисленному потомству, которое получило от его памяти те почести, которые не смогло бы приобрести само.

XII. Характер Фемистокла уже раскрылся на этих страницах - основательный, но извилистый в политике, обширный в замыслах - тонкий, терпеливый, но стремительный в действиях; приветливый в манерах, но хвастливый, показной и не желающий скрывать свои заслуги; не блестящий в свершениях, но владеющий греческими хитростями не больше, чем аттическим остроумием; достаточно красноречивый, но больше делами, чем словами, и проникающий, почти сверхъестественным чутьем, одновременно в характеры людей и последовательность событий. Несравненно величайший в свое время и, конечно, не превзойденный теми, кто пришел после него. Писистрат, Кимон, Перикл, сам Аристид были знатного и привилегированного происхождения. Фемистокл был первым и, за исключением Демосфена, самым великим из тех, кто поднялся из народа, и он увлек народ за собой. Его слава была порождением только его гения. "Какой еще человек, - перефразируя необыкновенное красноречие Диодора, - мог бы в одно и то же время поставить Грецию во главе народов, Афины - во главе Греции, себя - во главе Афин? В самый прославленный век самый прославленный человек. Поведя на войну граждан государства, лежащего в руинах, он победил все оружие Азии. Только ему было под силу объединить самые противоречивые материалы и сделать саму опасность полезной для своих замыслов. Не более выдающийся в войне, чем в мире, - в одной он спас свободы Греции, в другой - создал возвышенность Афин".

После него свет героической эпохи то меркнет, то гаснет, и даже сам Перикл кажется карликовым и искусственным рядом с тем мужественным и колоссальным интеллектом, который разбил в щепки мощь Персии и с энергичной легкостью сразил мрачную прозорливость Спарты. Статуя Фемистокла, существующая спустя шестьсот лет после его кончины, являла его соотечественникам облик, столь же героический, как и его деяния. [171]

Вернемся к Кимону.

ГЛАВА III.

Уменьшение Наксоса.- Действия у Кипра.- Намерения Кимона.- Улучшения в Афинах.- Колония на Девяти Путих.- Осада Тасоса.- Землетрясение в Спарте.- Восстание гелиотов, захват Итоме и третья Мессенская война.- Возвышение и характер Перикла.- Обвинение и оправдание Цимона.- Афиняне помогают спартанцам при Итоме.- Тасос сдается.- Разрыв между афинянами и спартанцами.- Конституционные нововведения в Афинах.- Остракизм Цимона.

I. В то время, когда Наксос отказался от оговоренных субсидий и, как следствие, был осажден Цимоном, этот остров был одним из самых богатых и многолюдных среди конфедеративных государств. Некоторое время наксийцы галантно сопротивлялись осаждающим, но, уступив, были поставлены в более тяжелые условия, чем те, что были наложены на них ранее. Ни один завоеватель не довольствуется приобретением объектов, иногда легкомысленных, а часто и справедливых, с которыми он начинает военные действия. Война разжигает страсти, а успех - честолюбие. Кимон, сначала стремившийся обезопасить греков, теперь стал желать увеличения афинской мощи. Афинский флот покорил Наксос, и Наксос стал подчиняться Афинам. Это было первое из свободных государств, которое растущая республика подчинила своему игу [172]. Прецедент был создан, и, как только представился случай, остальные государства постигла та же участь.

II. Покорение Наксоса было лишь началом побед Кимона. В Малой Азии было много греческих городов, в которых персидское господство еще не было поколеблено. Вдоль карийского побережья Кимон провел свое войско, и ужаса, который оно внушало, хватило, чтобы вовлечь все города, изначально греческие, в восстание против Персии; те, которые были гарнизоны персами, он осаждал и сокращал. Победив в Карии, он с таким же успехом перешел в Ликию [173], увеличивая свой флот и силы по мере продвижения. Но персы, не бездействуя, уже собрали значительные силы в Памфилии и расположились лагерем на берегах Эвримедона (466 г. до н. э.), воды которого, достаточно широкие, приняли их флот. Ожидаемое подкрепление в виде восьмидесяти финикийских кораблей с Кипра побудило персов отложить [174] реальные военные действия. Но Цимон, решив предотвратить ожидаемую развязку, отплыл вверх по реке и вскоре заставил варварский флот, уже гораздо более многочисленный, чем его собственный, вступить в активное сражение. Персы слабо поддерживали атаку; оттесненные к реке, экипажи покинули корабли и поспешили присоединиться к армии, расположившейся вдоль побережья. Некоторые из покинутых кораблей были уничтожены, а двести трирем, захваченных Цимоном, еще больше усилили его вооружение. Но персы, подошедшие к берегу, представляли собой длинное и грозное войско, и Цимон с некоторой тревогой осознал, какой опасности подвергается высадка войск, уже сильно потрепанных недавними боями, в то время как значительная часть вражеских сил, гораздо более многочисленная, была

свежей и неутомимой. Дух людей и их воодушевление после победы умилили опасения полководца; все же разгоряченный последними событиями, он высадил свою тяжеловооруженную пехоту, и с громкими криками афиняне бросились на врага. Схватка была ожесточенной, резня - огромной. Многие из самых благородных афинян пали в бою. В конце концов, победа была объявлена в пользу Цимона; персы обратились в бегство, а греки остались хозяевами битвы и добычи - последней значительной. Таким образом, в один и тот же день афиняне одержали победу в обеих стихиях - беспрецедентная слава, которая заставила риторичного Плутарха заявить, что Платея и Саламин были превзойдены. Потомство, более проникательное, оценивает славу не только по величию победы, но и по справедливости дела. И даже стычка, выигранная людьми, борющимися за свободу на своих берегах, более почетна, чем самая гордая битва, в которой победители руководствуются желанием отомстить или жаждой предпринимательства.

III. К трофеям этой двойной победы вскоре добавились трофеи третьей, одержанной над восемьюдесятью кораблями финикийцев у берегов Кипра. Эти значительные успехи распространили ужас афинского оружия как на отдаленные, так и на греческие берега. Не принимая на веру преувеличенные сведения неблагоразумных авторов о количестве кораблей и пленных [175], представляется несомненным, что сумма добычи была в какой-то степени достаточной для того, чтобы произвести в Афинах моральную революцию - в значительной степени изменить состояние отдельных людей и усилить общий вкус к пышности, роскоши и великолепию, что вскоре после этого сделало Афины самым величественным из греческих государств.

Таким образом, флот Персии был разбит, ее армии разбиты, место действия перенесено в ее собственные владения, все замыслы против Греции были отложены. Отступив, так сказать, в центр своих обширных владений, она оставила азиатские окраины наедине с собой, скорее в изнеможении, чем в покое. "Ни одно войско", - хвастались позднейшие риторы, - "не подходило к греческим морям ближе, чем на день пути на лошадях". От Хелидонских островов на памфилийском побережье до тех [176] скал-близнецов у входа в Эвксин, между которыми море, упираясь в их изрезанное основание, неудержимо ревет сквозь туман пены, не было видно ни одной персидской галеры. Было ли это причиной поражения или признанных статей мира, спорят. Но, как мы увидим далее, о последнем отсутствуют все исторические свидетельства.

В следующей экспедиции Цимон, отплыв из Афин с небольшим отрядом, отвоевал у персов фракийский Херсонес - подвиг, который вернул ему его собственную вотчину.

IV. Теперь Кимон находился на пике своей славы и популярности. Его доля в добыче и возвращение Херсонеса сделали его самым богатым гражданином Афин, и он продолжал использовать свое богатство для укрепления своей власти. Общение с другими народами, знакомство с восточным лоском и великолепием возвысили его манеры от ранней грубости и придали великолепие его вкусам. Если молодость он провел среди диких воинов Мильтиада, то досуг зрелых лет был окультурен общением с мудрецами и поэтами. Страсть к сексу, который даже в своих излишествах стремится утончить и смягчить, стала его единственным пороком. Он был другом всех гениев и всех искусств; являясь связующим звеном между пышной показностью Фемистокла и интеллектуальным изяществом Перикла, он как бы осуществлял неощутимый переход от эпохи воинской славы к эпохе гражданского превосходства. Можно сказать, что он внес большой вклад в распространение той атмосферы поэзии и удовольствия, которую впоследствии с удовольствием вдыхали даже самые жалкие из свободных афинян. Он все больше и больше выводил граждан из глубины частной жизни и проводил в жизнь социальную политику, начатую Писистратом, согласно

которой все индивидуальные привычки сливались в одно оживленное, сложное и возбужденное общество. Так, сам веселый и общительный, пристрастившийся к компании, вину и женщинам, он поощрял представления и зрелища, придавая им новое великолепие; он украсил город общественными зданиями и первым возвел в Афинах эти длинные колоннады, под сенью которых, укрывшись от западного солнца, изящный народ привык собираться и беседовать. Agora, этот всеобщий дом граждан, была засажена восточными деревьями, а рощи Академии, бессмертного прибежища Платона, были его работой. Этот знаменитый сад, связанный с благодарными и светлыми воспоминаниями обо всем, что поэзия может придать мудрости, до времен Кимона был пустым и невозделанным местом. Это его рука пересекла его дорожками и аллеями, и через его зеленые укрытия полились декоративные воды, столь освежающие в тех краях, и не обычные для сухой аттической почвы, которые теперь текли живыми ручьями, а теперь сверкали фонтанами. Помимо этих работ по украшению, он создал и другие, чтобы укрепить город. Он достроил цитадель, до сих пор не охранявшуюся с южной стороны; именно из трофеев варваров, отложенных в казну, были покрыты расходы на основание Длинных стен, строительство которых впоследствии было завершено.

V. В своем поведении по отношению к союзникам природная урбанистичность Цимона скрывала глубоко продуманную и коварную политику. Другие афинские полководцы были суровы и пунктуальны в своих требованиях к конфедератам; они требовали положенное количество людей, а в случае непоставки увеличивали строгость своих поборов. Но не таков был Цимон: от тех, кого обычные занятия мирной жизни отвращали от активной службы, он охотно принимал денежную замену, эквивалентную стоимости тех кораблей или солдат, которых они должны были предоставить. Эти суммы, предназначенные, правда, для общей службы, все же были направлены на нужды афинского флота; таким образом, государствам, до сих пор воинственным, искусно давали возможность перейти к мирным и роскошным занятиям, и конфедераты под самыми мягкими предложениями сразу же ослабевали и беднели за счет тех самых средств, которые укрепляли воинственный дух и увеличивали финансовые ресурсы афинян. Слишком поздно, решившись на восстание, данники поняли, что расстались с возможностями сопротивления. [177]

В то же время целью Кимона было поддержание морского пыла и дисциплины афинян; пока весло и меч не пришли в негодность у конфедератов, он держал большую часть граждан в постоянной смене морских упражнений или предприятий - пока опыт и растущая сила у одних, праздность и постепенное подчинение у других, разрушив древнее равенство в оружии, не сделали афинян господами, а их конфедератов подданными. [178]

VI. В соответствии с мудрой политикой древних, афиняне никогда не пренебрегали подходящим случаем для колонизации; таким образом, они расширяли свое владычество, вытягивая из него избыток населения, а также более предприимчивых духом, которых искушали приключения или пробуждала бедность. Завоевание Эйона открыло перед афинянами новые перспективы, которыми они теперь были готовы воспользоваться. Недалеко от Эйона, на берегу Стримона, находилось место, называемое Девять путей, впоследствии Амфиполь, которое по своему местоположению и морским удобствам казалось особенно подходящим для строительства нового города. Туда было отправлено десять тысяч человек, часть конфедератов, часть афинян, чтобы основать колонию. Однако взгляды афинян не ограничивались в этом предприятии только его законными преимуществами. Примерно в то же время они вели спор с тасийцами по поводу некоторых рудников и торговых мест на противоположных берегах Фракии. Спор был весьма щекотливым. Афиняне, завоевав Эйон и прилегающую территорию, претендовали на

владение ими по праву завоевания. С другой стороны, тасийцы издревле владели некоторыми рудниками и монополией на торговлю; они присоединились к конфедерации и, утверждая, что завоевание было совершено, если и афинским оружием, то для общего блага, требовали, чтобы древние привилегии вернулись к ним. Афинское правительство было не готово отказаться от притязаний, которые сулили жадности золотые рудники. Тасийцы отказались от конфедерации и тем самым дали афинянам тот самый предлог для военных действий, который слабое государство никогда не должно допускать по отношению к более сильному. Пока колония добиралась до места назначения, часть афинского флота под командованием Цимона отплыла к Тасосу, одержала победу на море, высадилась на острове и осадила город.

Тем временем новые колонизаторы стали хозяевами Девяти путей, вытеснив эдонийских фракийцев - прежних обитателей острова. Но вражда за враждой, и в конце концов колонисты были полностью разгромлены и отрезаны в битве при Драбеске (465 г. до н. э.), в Эдонии, объединенными силами всех соседних фракийцев.

VII. Осада Тасоса все еще продолжалась, и осажденные предусмотрительно обратились за помощью к Спарте. Это угрюмое государство уже давно с негодованием взирало на могущество Афин; ее молодые воины протестовали против безразличия, с которым город, в течение многих веков уступавший Спарте, получал власть над Грецией. Напрасно убрали Фемистокла; неистощимый гений народа создал второго Фемистокла в лице Кимона. Лакедемоняне, обрадованные поводом для ссоры, вежливо приняли тасийских послов и обещали отвлечь афинские силы вторжением в Аттику. Они активно готовились к согласованию мер для этого вторжения, когда внезапное и сложное несчастье, о котором сейчас пойдет речь, заставило их отказаться от своих замыслов и сосредоточить внимание на себе.

VIII. Небывалое по силе землетрясение произошло в Спарте. Во многих местах Лаконии скалистая почва была расколота. От горы Тайгет, которая нависала над городом и на которой лакедемонские женщины устраивали свои вакхические оргии, огромные осколки покатались в предместья. Большая часть города была полностью разрушена; говорят, вероятно, с преувеличением, что только пять домов полностью избежали удара. Это ужасное бедствие не прекратилось внезапно, как только наступило; его сотрясения повторялись; оно погребло под собой и людей, и сокровища: если верить Диодору, от удара погибло не менее двадцати тысяч человек. Обезлюдившие, обнищавшие и подавленные, враги, которых жестокость Спарты вскормила в своем лоне, решили воспользоваться моментом, чтобы отомстить и довершить ее гибель. При Павсании мы уже видели, что гелоты уже созрели для восстания. Смерть этого яростного заговорщика сдержала, но не подавила их стремление к свободе. Теперь, когда Спарта лежала в руинах, настал момент осуществить их мечты. От поля к полю, от деревни к деревне весть о землетрясении стала сигналом к восстанию. Поднялись гелоты (464 г. до н. э.), вооружились, нахлынули - дикая, собирающаяся, неумолимая толпа, решившая истребить человеческим гневом всех, кого природа еще пощадила. Землетрясение, сравнявшее Спарту с землей, разорвало ее цепи; ни один толчок не создал такой темной и широкой пропасти, как пропасть между господином и рабом.

Это одно из самых возвышенных и ужасных зрелищ в истории - город в руинах, земля все еще дрожит, суровые и смелые солдаты собраны среди груды смерти и руин; и в такое время, и в такой обстановке, народ, чувствующий не опасность, а несправедливость, поднимается не для помощи, а для мести: Все, что должно было обезоружить более слабую вражду, разжигало их огонь; самое страшное бедствие - их благословение - расстройство - их надежда. Как будто сама Великая Мать созвала своих детей, чтобы отстоять давно

оскорбленное, неотъемлемое наследие, полученное от нее; и волнение разъяренных стихий было лишь объявлением вооруженного и торжественного союза между природой и угнетенными.

IX. К счастью для Спарты, опасность не была предвиденной. После смятения и ужаса землетрясения, когда люди, рассеявшись, пытались спасти свое имущество, Архидам, который за четыре года до этого вступил на лакедемонский престол, приказал трубам трубить к оружию. То удивительное превосходство человека над материей, которое достигается привычкой и дисциплиной и которое всегда было так заметно у спартанцев, обеспечило их безопасность в тот час. Отказавшись от заботы о своем имуществе, спартанцы схватили оружие, собрались вокруг своего царя и выстроились в дисциплинированный строй. В самый тяжелый момент Спарта была спасена. Гелиоты приближались, дикие, беспорядочные и буйные; они пришли с целью грабить и убивать; они ожидали найти рассеянных и испуганных врагов, а нашли грозную армию; их тираны все еще были их владыками. Они увидели, остановились и бежали, рассеявшись по стране, возбуждая всех встречающих к восстанию, и вскоре, объединившись с мессенцами, родственными им по крови и древним воспоминаниям о героических битвах, они захватили тот самый Итам, который их наследник Аристокл прежде занял с незапамятной доблестью. Они укрепили его и, захватив соседние земли, объявили их владыкам открытую войну. Поскольку мессенцы были более достойным противником, всеобщее восстание получило название Третьей Мессенской войны.

X. Пока эти события происходили в Спарте, Кимон, поручив другим продолжение осады Тасоса, вернулся в Афины [179]. Он обнаружил, что его популярность уже пошатнулась, а власть находится под угрозой. Демократическая партия в последнее время вновь обрела влияние, которое она потеряла после изгнания Фемистокла. Перикл, сын Ксантиппа (обвинителя Мильтиада), за последние шесть лет незаметно поднялся в рейтинге: дому Мильтиада суждено было склониться перед родом Ксантиппа, и наследственная оппозиция закончилась старыми наследственными результатами. Рожденный в одной из самых возвышенных афинских семей, отмеченный славой и судьбой своего отца, который вместе с Аристидом командовал афинским флотом и на чье имя была записана победа при Микале, юный Перикл в свое время нашел легкий путь для своего блестящего гения и высокого честолюбия. Ему не с чем было бороться, кроме собственных достоинств. Красота его лица, сладость голоса и нежность речи напоминали старейшим гражданам Писистрата, и это сходство, как говорят, возбудило против него народную ревность, которую ему было трудно преодолеть. Его юность прошла попеременно то в лагере, то в школах. Он первый из великих государственных деятелей своей страны, кто, судя по всему, готовился к действиям с помощью учебы; Анаксагор, Пифоклид и Дамон были его наставниками, и он рано стал выдающимся во всех буквенных достижениях своего времени. Постепенно приучая народ к своему появлению в общественной жизни, он стал отличаться изощренным и страстным красноречием, доселе неизвестным. При его интеллектуальном и медитативном темпераменте все было наукой; его пыл в действиях регулировался долгими размышлениями, а сами слова - продуманной подготовкой. До его времени ораторское искусство в его собственном смысле, как изучение и искусство, было некультурным в Афинах. Говорят, что Писистрат был красноречив от природы, а энергичный ум Фемистокла придавал его советам одновременно убедительность и силу. Но Перикл, понимая все преимущества слов, приукрашивал их всеми приемами, которые только могло предложить его воображение. Его речи часто становились письменными сочинениями, и новизна их дикции и та последовательная логика, которую только подготовка может придать языку, стали неотразимы для народа, который сам стал Периклом. Всеобщая цивилизация,

всеобщая поэзия сделали публику восприимчивой и привередливой; она могла оценить витиеватые и философские речи Перикла; и, первым отразив в себе достигнутые интеллектуальные улучшения, первым представив изящество и просвещенность, как Фемистокл был первым представителем смелости и предприимчивости своего времени, сын Ксантиппа уже начал затмевать того самого Кимона, качества которого подготовили ему путь.

XI. Не следует думать, что в спорах между аристократической и народной партиями аристократия всегда была на одной стороне. Такое разделение никогда не встречается в свободных конституциях. Всегда найдется достаточная партия знати, которую убеждения, честолюбие или наследственные склонности поставят во главе народного движения; и именно представители привилегированного сословия ослабляют само сословие. Поэтому Афины в этом отношении напоминали Англию, и как сейчас в последнем государстве, так и тогда в Афинах именно самые гордые, самые богатые, самые высокородные аристократы часто придавали достоинство и успех прогрессу демократического мнения. Там же ярость партий часто делала политику наследственным делом; междоусобные браки объединяли людей схожих фракций; память о мучениках или героях дела смешивалась с вероисповеданием их потомков. Так, было столь же естественно, что один из рода того Клизфена, который изгнал писистратидов и популяризировал конституцию, принял более либеральную сторону, как и то, что Рассел в одну эпоху следовал принципам, за которые его предок погиб в другую. Так и наши предки становятся спонсорами для нас самих. Мать Перикла была потомком Клизфена; и хотя сам Ксантипп принадлежал к той же партии, что и Аристид, мы можем сомневаться, что, судя по его преследованию Мильтиада, а также по его связям с Алкмеонидами, он когда-либо сердечно сотрудничал со взглядами и амбициями Кимона. Как бы то ни было, его блестящий сын сразу же бросился в объятия более популярной фракции и со всей энергией противостоял аристократическим пристрастиям Кимона. Однако, не сумев занять то место, к которому стремился (ведь возвыситься теперь было делом не только ума, но и времени), он перешел под власть Эфиальта, человека, о котором история сообщает нам слишком скудные подробности, хотя он пользовался значительным влиянием, усиленным его явной завистью к спартамцам и его собственной безупречной честностью.

XII. Заметно, что люди, которые становятся лидерами общества не столько в силу страсти, сколько благодаря предыдущему обучению и сознательному таланту - люди, которых мысль и письмо готовят к предпринимательству, - редко стремятся продвинуться слишком рано. Сделав политику наукой, они даже придирчиво следят за качествами и опытом, необходимыми для большого успеха; их самолюбие делает их внешне скромными; они полагаются на время и на случай; и, подталкиваемые вперед скорее обстоятельствами, чем собственными усилиями, они долго не достигают полного развития своих амбиций и своих ресурсов. Несмотря на все его преимущества, возвышение Перикла было постепенным.

После возвращения Кимона народная партия сочла себя достаточно сильной, чтобы выступить против него. Экспедиция на Фасос не принесла столь славных результатов, чтобы удовлетворить народ, избалованный чередой триумфов. Цимона считали виновным в том, что он не воспользовался доступом в Македонию и не присоединил эту страну к Афинской империи. Его даже подозревали и обвиняли в получении взяток от Александра, царя Македонии. Перикл [180], как говорят, сначала принял активное участие в этом преследовании; но когда дело сдвинулось с мертвой точки, то ли тронутый случаями с сестрой Цимона, то ли осознав несправедливость обвинения, он повел себя благосклонно по отношению к обвиняемому. Сам Кимон отнесся к обвинениям со спокойным презрением; результат оказался достойным и Афин, и его самого. Он был с честью оправдан.

XIII. Едва закончился этот импичмент, как в Афины прибыл спартанский посол с просьбой о помощи против гелотов; просьба вызвала бурное обсуждение.

Эфиальт решительно выступил против предложения оказать помощь городу, иногда открыто, но всегда искренне враждебному Афинам. "Гораздо лучше, - утверждал он, - смирить ее гордыню и ослабить ее способности к злодейству". Постоянно поддерживая и опираясь на лакедемонскую партию, будь то дома или за границей, Кимон, с другой стороны, утверждал необходимость похода на помощь Спарте. "Не надо, - сказал он почти возвышенно, и его слова, как сообщается, произвели сильное впечатление на это восприимчивое собрание, - не надо калечить Грецию, не надо лишать Афины ее спутницы!"

Более великодушный и великодушный совет возобладав в великодушном и великодушном народе; и Кимон был послан на помощь Спарте во главе достаточных сил. В знак политической морали того времени можно заметить, что о несчастьях гелиотов, похоже, забыли. Но таково проклятие рабства, что оно не позволяет своим жертвам стать свободными, кроме как путем подготовки и степеней. А цивилизация, гуманность и социальный порядок часто оказываются на стороне угнетателей, в результате их свободолюбия и варварства, естественных для побед угнетенных. Конфликт между неграми и плантаторами в наше время может быть аналогичен конфликту между гелиотами и спартанцами; и часто возникает фатальная необходимость уничтожить тех самых людей, которых мы довели до дикости, как зверей, нашими собственными жестокостями.

Судя по всему, во время восстания гелотов и мессенцев, которое длилось десять лет, афиняне под командованием Кимона дважды [181] отправлялись на помощь спартанцам. В первый раз (464 г. до н. э.) они, вероятно, загнали разрозненных повстанцев в город Итоме; во второй (461 г. до н. э.) они осадили город. В промежутке Тасос сдался (463 г. до н. э.); жители были вынуждены сровнять стены, отказаться от судоходства, выплатить задолженность по дани, в будущем точно выплачивать налог и отказаться от всех претензий на континент и рудники.

XIV. Так афиняне закрепились на фракийском континенте и получили в свое распоряжение золотые рудники, которые они приняли за богатство. Во время второго похода афинян уже не удавалось заглушить давнюю ревность между ними и спартанцами. Первые пользовались особым уважением благодаря своему умению вести осады, а сама их наука, возможно, уязвляла гордость воинственных спартанцев. Поскольку истинное военное искусство было еще так мало изучено, что даже афиняне не могли взять город штурмом и вынуждены были подчиняться утомительным операциям блокады, у них было достаточно досуга для вражды, которую неизбежно порождали недружелюбные привычки и долгое соперничество народов. Гордясь своим дорийским именем, спартанцы смотрели на ионийскую расу Афин как на чужаков. Суровые в своей олигархической дисциплине, они считали афинского Демановатором; а в самой доблести своих союзников они обнаружили дерзкую и беспокойную энергию, которая, будучи полезной сейчас, легко могла стать опасной в будущем. Они даже подозревали афинян в притеснении гелотов - возможно, к такому недоверию их подтолкнул контраст, который они могли неправильно истолковать, между собственной суровостью и мягкостью афинян по отношению к подневольной части населения, а также существование в Афинах влиятельной партии, которая противилась помощи, оказанной Цимоном. Проводя свою обычную спокойную и осторожную политику, спартанское правительство попыталось скрыть свои реальные опасения и, просто заявив, что больше не нуждается в помощи, уволило афинян. Но этот народ, по своей природе раздражительный, видя, что, несмотря на этот пустой предлог, другие союзники, включая несносных эгинетян, остались, воспринял их увольнение как оскорбление. Справедливо полагая, что заслужили более благородное

доверие спартанцев, они уступили своей первой обиде и, не обращая внимания на существовавший еще между ними и Спартой союз против Меды - форма которого сохранила дух, - заключили союз с аргивянами, наследственными врагами Спарты, и в этот союз были включены фессалийские алеуды.

XV. Получение этих декретов народной партией стало прелюдией к падению Кимона. Таланты этого великого человека были гораздо более выдающимися на войне, чем в мире; и, несмотря на его реальную или видимую либеральность нрава, ему не хватало ни способностей, чтобы соответствовать времени, ни искусства, чтобы скрыть свои недостатки. Возвысившись благодаря спартанской благосклонности, он слишком смело и неосмотрительно встал на сторону спартанцев. Сначала, когда афиняне добились морского превосходства и нужно было примирить Спарту, пристрастность, с которой Кимон относился к этому государству, стала его рекомендацией; теперь, когда Спарту больше не нужно было примирять, ее нужно было бояться и противостоять ей, это стало его гибелью. Долгое время у него был обычай превозносить спартанцев за счет афинян и приводить их нравы в пример для восхищения своих соотечественников. Это был его любимый способ упрека: "Спартанцы бы так не поступили". Ему даже припомнили, что он назвал своего сына Лакедемоном. Эти пристрастия в последнее время не давали покоя народному сознанию; и теперь, когда афинские войска были бесславно распущены, невозможно было забыть, что Кимон добился постановления о помощи, и что наступившие в результате этого бедствия были следствием его советов.

Общественный дух был настроен против спартанцев, и во главе спартанской фракции в Афинах стоял Кимон.

XVI. Но в это время другие события, еще более тесно связанные с афинской политикой, сговорились ослабить авторитет этого способного полководца. Конституционные реформы, которые на самом деле являются революциями под более мягким названием, теперь сметали последние обломки старого аристократического строя, которые еще оставались в афинском обществе.

Мы видели, что демократическая партия усилилась благодаря указу Аристиды, который открыл все должности для всех сословий. Однако это имело не столько фактический, сколько моральный эффект. Либеральные взгляды, которыми обладала часть аристократии, и легитимное влияние, которое во всех странах принадлежит собственности и высокому происхождению (наибольшее, правда, там, где страны наиболее свободны), обеспечивали, как правило, главные положения в государстве чинам и богатству. Но моральный эффект декрета заключался в том, что он возвышал низшие классы чувством собственной силы и достоинства, и каждая победа, одержанная над иностранным врагом, давала новый авторитет народу, чьи голоса избрали вождя, чье правое оружие выиграло битву.

Конституция, существовавшая до Солона, была сословной олигархией. Солон превратил ее в аристократию собственности. Клисфен расширил ее основу от собственности до населения; как мы уже видели, именно Клисфен, по всей вероятности, ослабил более незаконное и деспотичное влияние богатства, установив избирательное право или тайное голосование вместо открытого голосования, которое было распространено во времена Солона. Такова необходимая конституция общества, что когда один класс получает власть, древние сдерживающие факторы этой власти требуют перестройки. Ареопаг был задуман Солоном как аристократический противовес народному собранию. Но во всех государствах, где представлены и народ, и аристократия, большой удар по аристократическому сенату

наносится не столько изменением его собственной конституции, сколько внесением новых элементов демократии в народное собрание. Старые границы сметаются, но не выравниванием берега, а разбуханием потока. Сдержки демократии должны быть настолько скрыты, чтобы быть помещенными в представление самой демократии; ибо сдержки ее прогресса извне - это всего лишь крепости, которые нужно штурмовать; и то, что, когда было скрытым, было влиянием друга, когда стало явным, является сопротивлением врага.

Ареопаг, конституционный оплот афинской аристократической партии, становился все более недоброжелательным к народу. И теперь, когда Кимон сопротивлялся каждому нововведению этого собрания, он лишь обеспечивал себе гибель, ускоряя политику, которую осуждал. Эфиальт направил всю силу народного мнения против этого почтенного сената; и в конце концов, хотя и без открытой помощи Перикла [182], который не принимал заметного участия в споре, этому влиятельному государственному деятелю удалось ущемить его функции и ограничить его власть.

XVII. Я не собираюсь погружать читателя в объемную и невыгодную полемику о точном характере нововведений Эфиальта, которая будоражит студентов Германии. Мне представляется наиболее вероятным, что Арёопаг сохранил право выносить решения по делам об убийствах [183] и мало что еще из своего древнего конституционного авторитета, что он полностью потерял свою самую опасную власть в неограниченной полиции, которую он раньше осуществлял над привычками и нравами народа, что любой контроль над финансами был разумно передан народному сенату [184], что его безответственный характер был упразднен, и он отныне стал подотчетен народу. Такие изменения не прошли даром, не вызвав глубокого возмущения аристократической фракции.

При проведении всех государственных реформ великий и всеобъемлющий ум не столько задумывается о том, справедлива ли каждая реформа, сколько о том, какой конечный приоритет будет отдан тем или иным принципам. Кимон предпочитал всем конституциям ограниченную аристократию, и его практический опыт рассматривал каждую меру в ее общей тенденции к или против системы, которую он искренне отстаивал.

XVIII. Борьба между противоборствующими партиями и принципами началась еще до экспедиции Кимона в Итоне; связанные с этим события, ослабив Кимона, ослабили и саму аристократию. Однако его падение не было немедленным [185], оно произошло не как единичное и изолированное событие, а как одно из необходимых последствий великих политических перемен, произведенных Эфиальтом. Все обстоятельства, однако, сговорились поставить сына Мильтиада в положение, которое оправдывало подозрения и ревность афинян. Из всех врагов, каких только могли спровоцировать Афины, ни один не был так опасен, как Лакедемон.

Мрачная, хитрая и непримиримая, суровая царица Пелопоннеса воспитывала свою молодежь не иначе, как в хитрости и резне. Ее вражда к Афинам больше не была затаенной. Афинам было чего опасаться, причем не только ее влияния, но и ее армии. Опасность исходила не столько от обнаженного меча, сколько от тайных советов Спарты. Нельзя забывать, что среди значительной части афинской аристократии спартанское правительство поддерживало значительную и сочувствующую интеллигенцию. Это правительство всегда стремилось приспособить все народные конституции к своей собственной олигархической модели; и там, где оно не могло открыто вторгнуться, оно тайно пыталось подорвать свободы своих соседей. Таким образом, помимо страха перед врагом в поле, афинская демократия была постоянно возбуждена подозрениями против шпиона внутри города: Всегда борясь с аристократической партией, стремящейся вернуть утраченную власть, афинская демократия

имела все основания опасаться, что эта партия воспользуется любым случаем, чтобы посягнуть на народные институты; каждая вражда со Спартой, следовательно, казалась афинскому народу не без основания подвергать интригам и заговорам свою гражданскую свободу; и (как всегда бывает при иностранном вмешательстве, скрытом или явном) обостряла уже существовавшую ревность к тем, ради чьих политических интересов это вмешательство осуществлялось. Принимая это во внимание, мы не увидим причин удивляться той яростной оппозиции, которой теперь подвергался Цимон. За неимением ясных и точных исторических деталей мы вынуждены сами докапываться до причин, приведших к его преследованию, как и к преследованию других выдающихся людей в Афинах. Плутарх, к которому в данном случае мы вынуждены прибегать в основном, является весьма неоднозначным авторитетом. Как и большинство биографов, он стремится возвеличить своего героя, хотя и за счет его соотечественников; и хотя Плутарх был приятным писателем, не лишенным некоторых полуфилософских взглядов на мораль, его ум был необычайно скуден на понимание и осмысление. Он никогда не вникал в тонкие причины и следствия. Он исследует прошлое, иногда как ученый, иногда как рассказчик, иногда даже как поэт, но никогда как государственный деятель. Так, от него мы почти ничего не узнаем об истинных причинах ostracism Аристида, Фемистокла или Кимона - моменты сейчас запутанные, но тогда, увы, легко проясненные глубоким исследователем, к оправданию как их самих, так и их судей. К естественным недостаткам Плутарха следует добавить его партийные пристрастия. Он был противником демократических взглядов, и это возражение, незначительное само по себе, или его можно было бы выдвинуть против многих лучших историков и мудрейших мыслителей, становится весомым, поскольку он не смог увидеть, что во всех человеческих конституциях совершенство невозможно, что мы должны принимать зло вместе с добром, и что то, что он приписывает одной форме правления, в равной степени можно отнести и к другой. Ведь в какой монархии, в какой олигархии великие люди не были поняты превратно, а великие заслуги подвергались зависти!

Так, в жизни Кимона Плутарх говорит, что "под незначительным предлогом" [186] этот лидер спартанской партии в Афинах был подвергнут ostracism. Мы видели достаточно, чтобы убедить нас в том, что, каков бы ни был предлог, причины, по крайней мере, были серьезными и основательными - что они были не чем иным, как неизменной страстью Кимона к принципам и правительству того государства, которое было наиболее враждебно Афинам и подозрительная политика которого во все времена - в то время особенно - таила в себе опасность для ее власти, ее мира и ее институтов. Если бы мы могли глубже вникнуть в политику того времени, мы могли бы еще больше оправдать афинян. Не ставя под сомнение честность и патриотизм Цимона, не предполагая, что он мог бы вступить в какую-либо интригу против независимости Афин от иностранных держав - это предположение его последующее поведение фактически опровергает - он мог бы, будучи искренним и горячим сторонником знати и решительным противником народной партии, попытаться восстановить дома аристократический баланс сил, какими бы средствами его огромное положение, влияние и связь с лакедемонской партией ни обеспечили ему это. По крайней мере, нам говорят, что он не только противостоял всем достижениям более либеральной партии, не только решительно отстаивал интересы и достоинства Ареопага, которые перестали гармонировать с более современными институтами, но и прямо стремился восстановить некоторые прерогативы, которые это собрание формально утратило во время его заграничных походов, и искренне старался вернуть всю конституцию к более аристократическому правительству, установленному Клисфеном. Одно дело - сохранять, другое - восстанавливать. Народ можно обмануть под благовидными предложениями, лишив его недавно приобретенных прав, но он никогда не согласится на то, чтобы его открыто лишили

этих прав. Нельзя также назвать неблагодарностью то, что является всего лишь отказом уступить заслугам отдельного человека приобретения нации.

Учитывая все вышесказанное, я считаю, что если остракизм и был когда-либо оправдан, то в случае с Кимоном - нет, возможно, он был абсолютно необходим для сохранения конституции. Сама его честность делала его решительным в его покушениях на эту конституцию. Его таланты, звание, слава, заслуги только делали эти попытки более опасными.

XIX. Если бы читателю было предложено рассмотреть с одинаковой беспристрастностью несколько случаев остракизма Аристиды и Фемистокла, он мог бы увидеть одинаковые причины для оправдания как в мотивах, так и в результатах. Первый был абсолютно необходим для поражения аристократической партии и снятия ограничений с тех сил, которые мгновенно находили самые славные выходы для действий; второй был оправдан аналогичной необходимостью, которая привела к аналогичным последствиям. В беспристрастных глазах народ может быть оправдан без обмана тех, кому он вынужден противостоять. В таких величественных и сложных процессах обвинитель и обвиняемый могут быть оба невиновны.

ГЛАВА IV.

Война между Мегарой и Коринфом.- Мегара и Пегея, гарнизоны афинянами.- Обзор дел при персидском дворе.- Вступление в должность Артаксеркса.- Восстание Египта под руководством Инара.- Афинская экспедиция на помощь Инару.- Эгина осаждена.- Коринфяне побеждены.- Заговор спартанцев с афинской олигархией.- Битва при Танагре.- Кампания и успехи Миронида.- Заговор олигархии против республики.-Отзыв Кимона.- Длинные стены завершены.-Эгина уменьшена.-Экспедиция под командованием Толмида.- Итома сдается.-Инсургенты поселены в Наупактусе.-Пагубное прекращение египетской экспедиции.-Афиняне идут в Фессалию, чтобы вернуть Оресту Тежу.-Кампания при Перикле.- Пятилетнее соглашение с пелопоннесцами.-Кимон отплывает на Кипр.-Предполагаемый договор о мире с Персией.-Смерть Кимона.

I. Вызванный на остракизм, Кимон был приговорен к назначенному ему сроку изгнания - десяти годам. После его удаления положение Перикла стало неожиданно более заметным и заметным, и он с большей уверенностью и смелостью участвовал в государственных делах. Энергичность новой администрации вскоре проявилась. Мегара до сих пор была верна лакедемонскому союзу, и тут между этим государством и Коринфом разгорелся спор об урегулировании границ. Хотя коринфское правительство, либеральное и просвещенное, часто выступало против спартанской олигархии, для интересов обоих пелопоннесских государств было важно поддерживать прочный общий союз и сохранять Пелопоннесскую конфедерацию как противовес беспокойным амбициям нового главы Ионической лиги. Поэтому Спарта не могла медлить, предпочитая союз Коринфа союзу Мегары. С другой стороны, Мегара, обладавшая теперь демократической конституцией, уже давно отказалась от дорийского характера и привычек. Положение ее территорий, характер ее институтов указывали на Афины как на ее законного союзника. Поэтому, когда началась война между Мегарой и Коринфом, на стороне последнего выступила Спарта, а Мегара, естественно, обратилась за помощью к Афинам. Афинское правительство охотно воспользовалось этим случаем, чтобы усилить власть, которую Афины теперь стремительно распространяли на всю Грецию. Если мы бросим взгляд на карту Греции, то увидим, что захват Мегары сулил особые преимущества. Она сразу же стала сильной и грозной крепостью против любых вторжений

из Пелопоннеса, а ее морские порты Нисея и Пегея открыли новые поля для честолюбия и торговли как на Сароническом, так и на Коринфском заливе. Афиняне охотно ухватились за предложенный им союз, и мегаряне, проявив слабость, уступили Мегару и Пегею афинским гарнизонам, а афиняне укрепили свои позиции длинными стенами, соединившими Мегару с гаванью в Нисее.

II. Новое, более масштабное предприятие способствовало стабильности правительства, усыпив его смелость и отвлекая внимание народа от внутренних дел к внешним.

Необходимо вкратце рассмотреть все перипетии персидского двора. В республиканской Греции история народа идет бок о бок с биографиями великих людей. В деспотической Персии вся история замирает в темных недрах и кровавых застенках дворца, которым управляют евнухи и который защищают только рабы.

В 465 году до н. э. правление несчастного Ксеркса подошло к концу. Вернувшись в Сузы после катастрофических результатов персидского вторжения, он предался праздной роскоши дворца. Способный и дерзкий предатель по имени Артабан [187], но, похоже, совсем не похожий на того Артабана, чья проницательность тщетно пыталась спасти армию Ксеркса от похода в Грецию, вступил в заговор против слабого монарха. При попустительстве евнуха он проник ночью в покои царя, и мрачная судьба Ксеркса была завершена убийством. Артабан пытался свалить вину на Дария, старшего сына убитого царя, а Артаксеркс, младший брат, похоже, потворствовал обвинению, которое могло бы сделать его законным наследником трона. Дарий, соответственно, погиб от той же участи, что и его отец. Крайняя молодость Артаксеркса побудила Артабана поверить, что между ним и троном теперь стоит лишь слабая и ненадежная жизнь; но молодой принц уже овладел царским искусством диссимуляции: он улучил удобный момент - и в результате контрреволюции Артабан был принесен в жертву манам своих жертв. [188]

Так Артаксеркс получил в свое распоряжение персидский престол (464 г. до н. э.). Новый монарх, по-видимому, получил от природы более сильный интеллект, чем его отец. Но злоупотребления, столь быстро и равномерно растущие в восточных деспотиях, которые теперь разъедали силу персидской монархии, уже, возможно, не поддавались реформам. Огромные размеры плохо регулируемой империи искушали честолюбие вождей, которые могли надеяться, что, поскольку персидские владыки теперь деградировали до женоподобности ассирийцев, которых они вытеснили, предприятие второго Кира может увенчаться аналогичным успехом.

Египет был скорее захвачен Ксерксом, чем покорен, и дух его древнего народа ждал только повода для восстания. Ливийский принц по имени Инар, чьи территории граничили с Египтом, вошел в эту страну (460 г. до н. э.), и большая часть населения приветствовала его как освободителя. Недавнее убийство Ксеркса - слабость нового царствования, начатого столь кровавым образом, - казалось, способствовало их стремлению к независимости, и африканский авантюрист видел себя во главе значительного войска. Уже заручившись поддержкой иностранцев, Инар стремился еще больше укрепиться за границей; не один посол был отправлен в Афины, прося ее помощи и предлагая взамен долю в правительстве, для создания которого требовалось ее оружие: необычная фатальность, что маленькая колония, которая, если верить традиции, так много веков назад обосновалась в тогда еще малоизвестных уголках Аттики, теперь должна быть избрана главным помощником родительского государства в ее жизненно важной борьбе за национальную независимость.

III. Соглашаясь на предложения Инара, Перикл поддался соображениям, полностью противоречащим его последующей политике, которая ставила своей главной целью

ограничить энергию Афин пределами Греции. Вероятно, этот проницательный и ученый государственный деятель (если он действительно еще достиг положения, позволявшего ему следовать своим собственным концепциям) видел, что каждое новое правительство должно ослеплять либо великими предприятиями за границей, либо великими переменами внутри страны, и предпочел первое. Мало найдется жертв, на которые не пойдет осторожный министр, недавно созданный, на которого возлагают большие надежды и который может оправдать уничтожение конкурирующей партии только блеском ее преемника, - он скорее рискнет, чем понесет презрение, которое следует за разочарованием. Он скорее сделает что-то опасное, чем ничего не сделает блестящего.

В Афинах не утихала ни ненависть, ни страх перед Персией, и предложение перенести войну в сердце ее империи было встречено с нетерпением. От более демократичной и буйной части населения, а именно моряков, уже избавились во время экспедиции двухсот трирем против Кипра. Но далекое и величественное предприятие Египта - надежда на новую империю - жажда неизведанных сокровищ - оказались более привлекательными, чем уменьшение Кипра. Этот остров был оставлен, и флот, состоявший как из афинских, так и из конфедеративных кораблей, отправился вверх по Нилу. Овладев этой рекой, афиняне продвинулись до Мемфиса, столицы Нижнего Египта. Они взяли штурмом две части города; третья, называемая Белым замком (занятая медами, персами и теми египтянами, которые не присоединились к восстанию), устояла перед их штурмом.

IV. Пока афиняне были заняты в Египте, их оружие было в равной степени задействовано в Греции. Все силы содружества были задействованы в войне со всех сторон. Союз с Мегарой не только создал врага в Коринфе, но и Пелопоннесская конфедерация оказалась втянутой в войну с Атикой: Сам Лакедемон, пока бездействующий, но грозный; соседняя Эгина, намеренная и ревнивая, готовилась к скорым военным действиям.

Афиняне предотвратили нападение, напав на Халию в Арголиде, но их встретили коринфяне и эпидавры, и в результате сражения победа осталась за последними. Это поражение афиняне быстро отыграли на море. У Хекрифалеи, в Сароническом заливе, они атаковали и полностью разгромили пелопоннесский флот. А теперь Эгина открыто объявила войну и присоединилась к враждебной лиге. Между этими двумя морскими державами произошло важное сражение с конфедератами обеих сторон. Афиняне одержали победу, захватив семьдесят кораблей, и, используя полученное преимущество, высадились в Эгине и осадили ее город. Триста тяжеловооруженных пелопоннесцев были отправлены на помощь Эгине, а коринфяне вторглись на территорию мегарян, захватили перевалы Геранеи и вместе со своими союзниками двинулись на Мегару. Никогда еще не было более благоприятного случая. Такие большие силы в Египте, такие большие силы в Эгине - как афиняне могли идти на помощь Мегаре? Казалось, они ограничены выбором: либо оставить Мегару, либо снять осаду Эгины: так рассуждали пелопоннесцы. Но преимущество широко популярной конституции в том, что вся община становится солдатами в трудную минуту. Миронид, афинянин с большим военным гением, не без помощи Перикла, чьи великолепные качества теперь ежедневно проявлялись, был хорошо приспособлен к тому, чтобы направлять энтузиазм народа. Из Эгины не было вызвано ни одного человека. Все регулярные войска были распущены, но в Афинах оставались слишком пожилые и слишком молодые для обычной службы. Под командованием Миронида юноши и старики сразу же отправились на помощь своему мегарскому союзнику. Завязалась битва; обе стороны отступали, но ни одна не считала себя побежденной. Но коринфяне отступили в Коринф, а афиняне воздвигли на поле трофеев. Коринфское правительство приняло войска с упреками, и после двенадцатидневного перерыва последние вернулись на место сражения и, заявив о своих

правах на победу, воздвигли свой трофей. Во время работ афиняне вышли из Мегары, где они закрепились, напали на коринфян и обратили их в бегство; значительная часть врагов, зайдя на землю, принадлежащую частному лицу, запуталась в большой яме или рве, из которого был только один выход, а именно тот, по которому они вошли. У этого прохода афиняне расположили свои тяжеловооруженные отряды, а легковооруженные воины окружили ров и метательными дротиками и камнями забили врага насмерть. Остальная (большая) часть коринфских войск благополучно, но с позором отступила.

V. Победа одержана, Мегара обеспечена - хотя Эгина еще держалась, и судьба египетской экспедиции была неизвестна - и замечательная активность правительства приступила к тому, что даже в спокойные времена было бы великим и трудным делом. Чтобы объединить свой город с морскими портами, они приступили к возведению длинных стен, которые тянулись от Афин до Фалера и Пирея. При Кимоне уже велись приготовления к этому делу, и теперь добытые в Персии трофеи обеспечили оборону Афин.

Тем временем спартанцы продолжали осаду Итома. Не следует думать, что все гелоты присоединились к восстанию. Ведь это означало бы почти полную дезорганизацию спартанского государства. Самые роскошные подданные деспотии никогда не были так бессильны в добыче жизненно необходимых вещей, как выносливые и воздержанные свободные люди дорийской Спарты. Для спартанца было бесчестьем обрабатывать землю и заниматься ремеслом. У него были все те предрассудки против любого призвания, кроме ратного, которые были характерны для знати средневековья.

Как всегда бывает при восстании рабов, восстание не было всеобщим; достаточное количество этих жалких иждивенцев оставалось пассивным и бездеятельным, чтобы удовлетворять обычные нужды своих хозяев и помогать в восстановлении города. Тем не менее спартанцы были сильно ослаблены, искалечены и смущены потерей остальных: осады Итоме хватило, чтобы поглотить их внимание и заставить их относиться к действиям афинян без открытой вражды, если и с тайной враждой. Спартанский союз формально распался - Мегара с ее командованием в Пелопоннесе захвачена - дорийский город Коринф унижен и разгромлен - Эгина блокирована; все эти действия афинян спартанцы перенесли без официального объявления войны.

VI. И вот, на восьмом году Мессенской войны, благочестие преуспело там, где потерпели неудачу гордость и месть, и спартанцы позволили другим объектам разделить их внимание с осадой Итомы. Это была одна из лучших черт этого необычного народа - его почитание древности. К маленькой, скалистой и безвестной территории Дориса, откуда, по преданию, они ведут свое происхождение, они испытывали сыновнюю привязанность и почтение. В результате ссоры, возникшей между жителями этого государства и соседними фокийцами, последние вторглись в Дорис и захватили один из трех его городов [189]. Лакедемоняне сразу же выступили на помощь своей отчизне с армией, насчитывающей не менее пятнадцати сотен тяжеловооруженных спартанцев и десять тысяч их пелопоннесских союзников [190], под командованием Никомеда, сына Клеомброта, и опекуна их царя Плейстоанакса, еще малолетнего. Они заставили фокийцев оставить взятый ими город и, надежно защитив Дорис, заключив мирный договор между двумя народами, приготовились вернуться домой. Но на этом пути их ждали большие затруднения: Геранейский проход теперь был занят афинянами: Мегара и Пегея тоже были в их руках. Если бы они шли морем через Крисский залив, то афинская эскадра уже заняла этот проход. В любом случае они были перехвачены [191]. При всех обстоятельствах они решили остановиться на некоторое время в Беотии и выждать удобный момент для возвращения. Но наряду с этими видимыми мотивами этого путешествия, которые приводит Фукидид, существовал еще один, более

глубокий и скрытый. Мы уже не раз отмечали, насколько необычной была спартанская политика, направленная против конституции свободных государств, и насколько обоснованной была ревность афинян к тайному вмешательству греческой Венеции.

Остановившись в Беотии, Никомед вступил в тайные сношения с некоторыми представителями олигархической партии в Афинах, целью которых было свержение существующей народной конституции. С этой целью, безусловно, был связан отзыв Кимона, хотя нет оснований полагать, что великий полководец принимал участие в измене. Этот заговор был одной из главных причин остановки в Беотии. Другой, вероятно, был замысел великого и политического проекта, о котором лишь мельком упоминают историки, но который, в случае успеха, вошел бы в число шедевров спартанского государственного искусства. Этот замысел заключался в том, чтобы в то время как Афины должны были ослабнуть из-за внутренних разногласий, а их национальный дух был фактически подавлен созданием олигархии, орудия Спарты, воздвигнуть нового соперника Афин в беотийских Фивах. Правда, этот проект, по словам Диодора, открыто проявился только после битвы при Танагре. Но такой план требовал подготовки, и пребывание Никомеда в Беотии дало ему возможность предвидеть его возможность и подготовить свои планы. После персидского вторжения Фивы утратили свое значение не только в Греции, но и в Беотии, ее зависимой территории. Многие государства отказывались считать ее своей столицей, и фиванское правительство желало вернуть себе власть. Обещания начать войну с Афинами делали фиванскую власть вспомогательной для Спарты: чем больше укреплялись Фивы, тем больше угрожала опасность Афинам, а Спарта, всегда не желавшая покидать Пелопоннес, таким образом воздвигала барьер для афинского оружия на самых границах Аттики.

VII. Пока Никомед вынашивал свои планы и замыслы, заговор аристократической партии не мог быть столь тайным в Афинах, как только какой-нибудь слух, какое-нибудь подозрение проникали за границу. Народ встревожился и возмутился. Они решили предвосхитить войну и, считая Никомеда отрезанным от отступления, стесненным и ограниченным в своем положении, выступили против него с тысячей аргивян, с отрядом фессалийских конников и некоторыми другими союзными войсками, главным образом из Ионии, которые, объединившись со всей силой вооруженного населения в своих стенах, составили в общей сложности четырнадцать тысяч человек.

VIII. Плутарх сообщает, что во время их похода появился Кимон и попросил разрешения присоединиться к армии. Сенат пятисот отказал ему в этом, передав прошение не из-за каких-либо вредных подозрений в отношении Кимона, а из естественного опасения, что его присутствие, вместо того чтобы внушить доверие, вызовет смятение, и что можно будет правдоподобно представить, что он стремится не столько противостоять спартанцам, сколько ввести их в Афины - доказательство того, насколько сильным было впечатление против него и насколько обширными были спартанские интриги. Кимон удалился, умоляя своих друзей оправдаться за брошенные на них клеветы. Положив в свои ряды доспехи Кимона - своего рода священный штандарт, - сотня самых горячих сторонников его рода двинулась в бой, сознавая, что им доверено.

IX. На территории Танагры произошло жестокое сражение. В этот день сам Перикл сражался в самой гуще битвы (457 г. до н. э.), подвергая себя всем опасностям, словно желая, чтобы гибель Кимона не была упущена. Битва была долгой, упорной и упорной: в самый разгар ее фессалийская конница внезапно перешла к спартанцам. Несмотря на это вероломство, афиняне, поддерживаемые аргивянами, долго удерживали свои позиции с преимуществом. Но когда ночь разделила армии [192], победа осталась за спартанцами и их союзниками. [193]

Афиняне, однако, не были сильно удручены поражением, как и спартанцы не воспользовались своим преимуществом. Озабоченный только побегом, Никомед отвел свои силы на родину, прошел через Мегару, уничтожая на своем пути фруктовые деревья, и, овладев Геранейским проходом, который афиняне покинули, чтобы присоединиться к лагерю в Танагре, прибыл в Лакедемон.

Тем временем фиванцы воспользовались победой, чтобы расширить свою власть, в соответствии с проектом, задуманным вместе со Спартой. Теперь Фивы попытались подчинить себе все города Беотии. Одни покорились, другие воспротивились.

X. Сознывая необходимость немедленных мер против соседа, смелого, настойчивого и честолюбивого, афинское правительство не теряло времени на набор разбитых сил. При Мирониде была созвана армия, собранная из союзников и зависимых государств, которая должна была собраться в определенный день. Многие не явились в назначенный день, и генералу было предложено отложить поход до их прибытия. "Не дело генерала, - сурово ответил Миронид, - ждать удовольствия своих солдат! В задержке я вижу предзнаменование желания бездельников избежать врага. Лучше положиться на нескольких верных, чем на многих недовольных".

Со сравнительно небольшими силами Миронид начал свой поход, вошел в Беотию через шестьдесят два дня после битвы при Танагре и, сразившись с беотийцами при Энофите, одержал полную и великолепную победу (456 г. до н. э.). Эта битва, хотя Диодор и не нашел подробностей ее хода, считалась в Афинах одной из самых славных за всю их историю; тщеславные греки предпочитали ее даже Марафону и Платее, поскольку греки противостояли грекам, а не варварам. Тех, кто пал на стороне афинян, сначала почтили публичным погребением в Керамике - "как людей", говорит Платон, "которые сражались с греками за свободу Греции". После победы Миронид сравнял с землей стены Танагры. Вся Беотия, кроме самих Фив, была вовлечена в афинский союз - демократии в разных городах, заменившие олигархические правительства, нанесли моральный удар по спартанскому превосходству. Таким образом, последствия битвы почти заслужили хвалебные отзывы о победе. Эти последствия привели к революции почти во всех государствах Беотии, и, призвав демократию в каждом из них, Афины сразу же превратили врагов в союзников.

Из Беотии Миронид отправился в Фокису и, придерживаясь той же политики, искоренил олигархии и установил народные правительства. Локрийцы из Опуса отдали в заложники сотню своих самых богатых граждан. Вернувшись в Афины, Миронид был принят с всеобщим ликованием [194], и таким образом завершилась короткая, но блестящая кампания, в ходе которой были не только побеждены враги, но и повсюду установлены гарнизоны друзей.

XI. Хотя изгнание Кимона, казалось, завершило триумф народной партии в Афинах, его мнения также не были изгнаны. В Афинах, как и во всех свободных государствах, вечно бушевала вражда партий, одновременно и опасная, и сильная. Партии в Афинах, однако, совершенно не походили на многие из тех, что нарушали покой итальянских республик; их нельзя правильно понимать в туманных декларациях Бартеlemi или Митфорда; это были не только партии имен и людей - это были партии принципов, партии ограничений и прогресса. И поэтому за триумфом одной из них неизменно следовал триумф того принципа, который она отстаивала. Благороднее, чем кровавые состязания простых фракций, мы не видим в Афинах тех длинных и масштабных проскрипций, тех жестоких расправ, которые сопровождали партийные распри в Древнем Риме или современной Италии. Остракизм или штраф для некоторых несносных и выдающихся сторонников обычно усмирал гнев победивших политиков. А в продвижении дела народ находил главную отдушину для своих

страстей. Надеюсь, однако, что меня не обвинят в предрассудках, если я констатирую как факт, что народная партия в Афинах, похоже, была гораздо более умеренной и менее беспринципной даже в своих эксцессах, чем ее антагонисты. Мы никогда не видим, чтобы она, подобно Писистратидам, вступала в союз с персами или с Исагором, предававшим Афины спартанцам. То, что делала олигархическая фракция, когда торжествовала, мы увидим впоследствии при установлении тридцати тиранов. И по сравнению с их проступками остракизм Аристида или штраф и изгнание Кимона теряют все краски несправедливости.

XII. Недовольные сторонники олигархии, интриговавшие с Никомедом, потерпели неудачу, отчасти благодаря тому, что Цимон отказался от всяких связей с ними, отчасти благодаря отступлению самого Никомеда. Однако их дух был слишком яростным, чтобы они могли отказаться от своих планов без борьбы, и после битвы при Танагре они открыто вступили в заговор против республики.

Подробности этой измены до нас не дошли; это один из самых мрачных отрывков афинской истории. Однако из разрозненных и одиночных упоминаний мы можем узнать, что какое-то время она угрожала демократии гибелью. [195]

Победа спартанцев при Танагре придала силы спартанской партии в Афинах; она также внушила страх многим из народа; очевидно, было желательно скорее заключить мир со Спартой, чем рисковать войной. Кто же мог заключить этот мир, как не изгнанный Кимон? Настало время добиваться его отзыва. Либо в этот период, либо вскоре после этого Эфиальт, его самый ярый враг, был варварски убит - по словам Аристотеля, жертвой ненависти знати.

XIII. Перикл всегда вел свою оппозицию Кимону с большой ловкостью и искусством; и действительно, аристократические лидеры враждующих партий редко бывают так враждебны друг к другу, как полагают их подчиненные последователи. В нынешней борьбе за отзыв своего соперника, среди всех интриг и заговоров, открытого насилия и тайных махинаций, угрожавших не только продолжительности правления, но и самому существованию республики, Перикл встретил опасность, предложив отменить приговор Кимона.

Плутарх, с детской сентиментальностью, свойственной ему, когда он хочет быть необычайно эффективным, разражается восклицаниями о великодушии этого шага, о честности и умеренности тех времен, когда обиды можно было так легко отбросить. Но глубокий и бесстрастный ум Перикла был прежде всего слаб перед мелодраматическим великодушием. И нельзя сомневаться, что эта мера была компромиссом между правительством и более умеренными и добродетельными представителями аристократической партии. Возможно, это был самый выгодный компромисс, на который Перикл был способен; ведь уступая в отношении отдельных людей, мы часто можем предотвратить уступки в отношении вещей. Отзыв [196] великого лидера антинародной фракции мог быть равносильным отказу от многих народных прав. И если бы мы глубже вникли в интриги того времени и детали олигархического заговора, то, подозреваю, пришли бы к выводу, что, отозвав Кимона, Перикл спас конституцию. [197]

XIV. Первая и наиболее популярная выгода, ожидаемая от отзыва сына Мильтиада в примирении между Спартой и Афинами, не была немедленно реализована дальше, чем перемирие на четыре месяца. [198]

Примерно в это время были завершены длинные стены Пирея (455 г. до н. э.), а вскоре после этого Эгина уступила оружию афинян (455 г. до н. э.) на условиях, которые подчинили граждан этого галантного и авантюрного острова (чьи достижения и торговля кажутся не

меньшим чудом, чем величие Афин, когда мы осматриваем границы их узких и скалистых владений) сопернику, которого они так долго и бесстрашно, и бесплодно терпели. Эгинетяне сдали свои суда, разрушили стены и согласились на выплату ежегодной дани. Так было исполнено изреченное повеление Перикла о том, что Эгина не должна оставаться бельмом на глазу у Афин.

XV. Эгина была разрушена, афинский флот из пятидесяти галер с четырьмя тысячами человек под командованием Толмида обогнул Пелопоннес - срок перемирия истек - и, высадившись в Лаконии, сжег Гифий, пристань лакедемонян; взял Халкис, город, принадлежавший Коринфу, и, высадившись в Сикионе, вступил в бой с сикионцами и разбил их. Затем он направился в Кефалению, овладел городами этого острова и, спустившись к Наупакту, расположенному на берегу Коринфского залива, отвоевал его у озолийских локрийцев.

В один год с этой экспедицией, на десятом году осады (455 г. до н. э.), Итоме сдался Лакедемону. Долгое и доблестное сопротивление этого города, обрывистое место которого укрепила сама природа, является одним из самых памятных и славных событий в греческой истории; и мы не можем не сожалеть, что несовершенная мораль тех дней, которая видела славу в доблести свободных, а восстание - только в восстании рабов, оставила нам лишь фригидные и скудные отчеты о столь упорной осаде. Для потомков ни причины, ни достижения Марафона или Платеи не кажутся более святыми, более героическими, чем это долгое сопротивление мессенцев и гелиотов доблести Спарты и помощи ее союзников. Читатель с радостью узнает, что город наконец сдался без позора. Осажденным была дарована жизнь и разрешение на свободный отход, что было зафиксировано на столбе, воздвигнутом на берегу Алфея [200]. Но те из гелотов, которые были захвачены в бою или на соседней территории, были вновь обращены в рабство, а задержанные зачинщики казнены. [201]

Доблестные защитники Итома, обязавшись навсегда покинуть Пелопоннес, вложили Толмиду во владение завоеванный им Наупактус. Там, под властью демократического правительства, защищенного могуществом Афин, они вновь обрели древнюю свободу и сохранили свое наследственное имя мессенцев, долгое время отличавшихся от своих соседей особым диалектом.

XVI. Пока афиняне расширяли свои завоевания и укрепляли власть у себя дома, авантюристы, которых они отправили на Нил, поддерживали свое странное поселение скорее с упорством, чем с успехом. Поначалу афиняне и их союзник, ливиец Инар, действительно, как мы уже видели, получили немалое преимущество.

Стремясь отвлечь афинян от египетского восстания, Артаксеркс отправил посла в Спарту, чтобы убедить ее совершить поход в Аттику и тем самым вынудить афинян вывести свои войска из Египта. Подверженность спартанского правительства коррупционным соблазнам была небызвестна двору, принимавшему спартанских беглецов, и послу были поручены большие сокровища, чтобы подкупить тех, кого он не мог убедить иначе. Тем не менее, переговоры провалились: правительство не удалось склонить к союзу с персидским царем. В этом надменном народе действительно присутствовал некий дух чести, который если и не был несовместим с хитростью и интригами, то, по крайней мере, с глубоким презрением относился к союзу с варваром, ради каких бы то ни было целей. Но на самом деле спартанцы в то время были полностью поглощены покорением Итома и войной в Аркадии, и, кроме того, было бы верхом невежливости, если бы это государство, замышляя какие-либо планы против

Афин, содействовало отзыву армии, которую оно было заинтересовано держать занятой в далеких и опасных походах.

Посол с удовольствием потратил часть своих денег, но безрезультатно, и безрезультатно вернулся в Азию. Тогда Артаксеркс убедился, что необходимо прибегнуть к активным действиям, которые слабость измученного деспотизма делала последним, а не первым средством. Под началом Мегабиза была собрана огромная армия; пройдя через Сирию и Финикию, она прибыла в Египет, вступила с египетскими войсками в сражение и одержала полную победу. Затем, подойдя к Мемфису, он снял греков с осады Белого замка, которая до тех пор продолжалась, и запер их на Просопитисе, острове в Ниле, вокруг которого стояли на якоре их корабли. Мегабиз приказал осушить канал дамбами, и корабли, главные силы афинян, остались на мели. Напуганные этим ловким маневром, а также успехом персов, египтяне отказались от дальнейшего сопротивления, а афиняне сразу же лишились своих кораблей и союзников. [202]

XVII. Ничуть не смущаясь и вдохновляясь своим презрением не меньше, чем своей доблестью, афиняне были для варваров тем же, чем впоследствии норманнские рыцари были для греков. Они сожгли свои корабли, чтобы они были так же бесполезны для врага, как и для них самих, и, увещевая друг друга не приглушать славу своих прошлых подвигов, затворились в небольшом городке Библус, расположенном на острове Просопитис, решив защищаться до последнего.

Блокада продолжалась полтора года - таково было удивительное незнание осадного искусства в те времена. В конце концов, когда канал был осушен, как я уже рассказывал, персы прошли по сухому руслу и взяли это место сухопутным штурмом. Так закончилась эта дикая и романтическая экспедиция. Большая часть афинян погибла; однако некоторые из них либо пробились с оружием в руках, либо, как, скорее всего, утверждает Диодор, получили разрешение по договору уйти за пределы Египта. Следуя путем Ливии, они добрались до Киринеи и, наконец, достигли Афин.

Инар, автор восстания, был предан и погиб на кресте, а весь Египет снова поддался персидскому игу, за исключением лишь той части, которую называют болотистой или заболоченной (под властью принца по имени Амиртей), защищенной природой почвы и пресловутой доблестью жителей. Тем временем эскадра из пятидесяти кораблей, посланная Афинами на помощь своим соотечественникам, вошла в Мендесское устье Нила слишком поздно, чтобы предотвратить взятие Библа. Здесь они были застигнуты врасплох и разбиты персидскими войсками и финикийским флотом (455 г. до н. э.), и лишь немногие уцелели после резни, которая поставила последнюю печать на катастрофических результатах египетской экспедиции.

Однако дома афиняне продолжали военные действия. Фессалия, как и остальная Греция, давно избавилась от форм царского правления, но дух монархии все еще сохранялся в стране, где немногие были богаты, а многие поработаны. Фессалийские республики, объединенные собранием депутатов от различных городов, избирали во главе своего рода протектора, который, по-видимому, обладал многими характеристиками поддеста в итальянских государствах. Его номинальной должностью было военное командование - должность, которая во всех, кроме самых совершенных, конституциях включает в себя и гражданскую власть. Этому опасному вождю было дано имя Тагус, а его власть и атрибуты настолько напоминали монарха, что даже Фукидид присваивает Тагусу титул царя. Орест, один из этих принцев, был изгнан из своей страны в результате гражданской революции. Он

бежал в Афины и обратился к ней за помощью, чтобы добиться своего восстановления. То, что афиняне должны были отдать предпочтение человеку, чье положение так близко напоминало одиозное достоинство монарха, кажется несколько необычным. Но поскольку Тезей часто был любимцем простонародья и врагом аристократической партии, возможно, что, восстанавливая Ореста, афиняне видели новый повод для продолжения политики, столь триумфально принятой в Беотии и Фокисе - , чтобы изгнать враждебную олигархию и установить дружественную демократию [203]. Каковы бы ни были их взгляды, они решили оказать изгнаннику помощь, которую он требовал, и в следующем году под командованием Миронида войско сопровождало Ореста в Фессалию. Им помогали беотийцы и фокийцы. Миронид дошел до фессалийского города Фарсала и овладел окрестностями; но из-за упорного сопротивления города, обещавшего более длительную блокаду, чем считалось целесообразным ожидать, афиняне сняли осаду, не добившись цели экспедиции.

XVIII. Овладение Пегеей и новой колонией Наупактусом [204] вызвало желание расширить афинские завоевания на соседних побережьях, и правительство, естественно, стремилось восстановить военные заслуги Афин - ослабленные в Египте и, конечно, не увеличенные в Фессалии. С тысячей афинских солдат Перикл сам отправился в Пегею. Оттуда флот, бросив якорь, направился к Сикиону; Перикл разбил сикионцев в упорном сражении и осадил город; но после нескольких бесплодных штурмов, узнав, что спартанцы идут на помощь осажденным, он покинул город и, подкрепленный некоторыми ахейцами, отплыл на противоположную сторону континента, переправился через Коринфский залив, осадил город Эниады в Акарнании (до н. э. 454) (жители - ахейцы). 454 г.) (жителей которого Павсаний [205] называет наследственными врагами афинян), опустошил соседнюю страну и унес с собой немалую добычу. Хотя он не взял ни одного города, успехи Перикла были достаточно значительными, чтобы сделать кампанию триумфальной [206]; и это удовлетворяло национальную гордость и негодование от того, что он оскорбил города и опустошил земли Пелопоннеса.

Этих успехов было достаточно, чтобы сделать мир со Спартой и ее союзниками целесообразным для последней, но они не были достаточно решительными, чтобы склонить афинян к продлению нерегулярных и бесплодных военных действий. Три года прошли без новых агрессий с обеих сторон и, вероятно, в переговорах о мире. По истечении этого срока благодаря влиянию и вмешательству Цимона было заключено пятилетнее перемирие между афинянами и пелопоннесцами.

XIX. Перемирие с пелопоннесцами (450 г. до н. э.) устранило главное препятствие на пути тех более ярких и широких перспектив для развития предпринимательства и честолюбия, которые открыло перед афинянами поражение от персов. В той беспокойной и неугасающей энергии, которая характерна для интеллектуальной республики, как бы заключена судьба: Сила, которой невозможно противостоять, побуждает государство переходить от действия к действию, от прогресса к прогрессу, с быстротой, опасной, но ослепляющей; в этом она напоминает карьеру людей, устремленных вперед, сначала для получения, а затем для сохранения власти, и не способных бороться с судьбой, которая заставляет их парить, пока, в силу морального тяготения человеческих вещей, не будет достигнута точка, за которой нет предела, и следующая попытка подняться будет лишь прелюдией их падения. В таких государствах время действительно движется гигантскими шагами; годы концентрируют в себе то, что в марше менее популярных институтов было бы эпохами столетий. Планета их судьбы катится с одинаковой скоростью по циклу внутренней цивилизации и внешней славы. Условием их блестящей жизни является отсутствие отдыха. Ускоренная циркуляция

крови украшает, но разрушает, а само действие, истощая запасы молодости самой своей энергией, становится смертельной, но божественной болезнью.

XX. Когда Афины возвысились над Грецией, для сохранения этого внезапного и великолепного достоинства было необходимо, чтобы она сохранила морскую славу, благодаря которой она в основном и была приобретена. Есть только один способ поддержать репутацию, а именно - увеличить ее, и память о прошлых славах становится тусклой, если ее постоянно не освежать новыми. Следует также учитывать, что морские привычки народа вызвали к жизни новый класс в государственных советах. Моряков, самую демократическую часть населения, теперь нужно было примирять и консультировать: требовалось держать их в действии, так как они были беспокойны, в работе, так как они были бедны: таким образом, внутренняя политика и внешние интересы Афин сговорились, чтобы потребовать продолжения морского предпринимательства.

XXI. Если бы страх перед врагом в Пелопоннесе больше не мешал, живое воображение народа с готовностью обратилось к более ослепительным и выгодным военным действиям. Остров Кипр (как мы видели) и раньше привлекал честолюбие хозяйки Эгеиды. Владение им было очень выгодно, как для военных, так и для торговых целей, и, подчинив его себе, флот афинян мог легко удержать господство. Разделенный на девять мелких государств, управляемых не республиканскими, а монархическими институтами, остров отвлекал на себя силы, и в целом предлагал не только легкое, но и славное завоевание; попытка же приняла благовидную форму избавления, так как Персия, несмотря на прежние успехи Кимона, все еще присваивала себе главенство над островом, и война, по сути, велась не столько против Кипра, сколько против Персии. Цимон, который всегда был зачинщиком великих и блестящих предприятий и главной политикой которого было удержание афинян от опасных границ Пелопоннеса, поспешил закрепить перемирие, заключенное им с государствами этого района, направив дух предпринимательства на завоевание Кипра.

Взяв под командование двести галер, он отплыл на этот остров (450 г. до н. э.) [207]. Но с этим предприятием были связаны более масштабные замыслы. Цели поздней египетской экспедиции по-прежнему манили, и шестьдесят кораблей флота были отправлены в Египет на помощь Амиртею, который, еще не покоренный, в болотистых краях поддерживал восстание против персидского царя.

Артабаз командовал персидскими войсками и с флотом из трехсот судов расположился в виду Кипра. Однако Кимон, высадившись на острове, сумел захватить многие из его главных городов. Смирившись и потерпев поражение, Персия не стала продолжать военные действия с врагом, которого она так сильно боялась и так мало выигрывала. Поэтому не является совсем уж неправдоподобным сообщение позднейших властей о том, что в Афины были официально отправлены послы с предложением мира. Но мы должны отвергнуть как чистую басню утверждения о том, что в конце концов был заключен договор, по которому, с одной стороны, признавалась независимость азиатских греческих городов, а персидские генералы не должны были приближаться к греческим морям ближе, чем на три дня марша; ни одно персидское судно не должно было подплывать к Фазелису и Кианским скалам; с другой стороны, афиняне обязывались не вступать на территорию Артаксеркса [208]. Фукидид не знал о подобном соглашении; в последующих сделках с Персией о нем не упоминается. Долгое время сохранялся документ, выдававшийся за копию этого договора, но он, несомненно, был плодом слабого легкомыслия или гениальной выдумки. Но пока переговоры, если они и начались, еще не завершились, Кимон был занят осадой Цитиума, где голод и упрямство осажденных затянули успех его оружия. Среди народных легенд того времени сохранилось предание о том, что Цимон [209] отправил тайную миссию к оракулу

Юпитера Аммона. "Возвращайтесь", - ответили посланцы, - "Кимон со мной!". Посланцы действительно вернулись и обнаружили, что сына Мильтиада больше нет. Он скончался во время блокады Цитиума (449 г. до н. э.). По его приказу его смерть была скрыта, осада снята, и, все еще опираясь на магию имени Кимона, афиняне вступили в бой с финикийцами и киликийцами у кипрского Саламиса, одержав значительные победы на суше и на море. Затем, присоединившись к эскадре, посланной в Египет, которая если и не разделила, то и не унесла с собой несчастья предыдущей экспедиции, они вернулись домой.

Останки Кимона были погребены в Афинах, а великолепный памятник, освященный его именем, можно было увидеть во времена Плутарха.

ГЛАВА V.

Изменение нравов в Афинах.- Начало при Писистратидах.- Последствия персидской войны и тесная связь с Ионией.- Хетеры.- Политическое положение, недавно приобретенное Афинами.- Перенос казны с Делоса в Афины.- Отсроченные опасности и зло. Во-первых, искусственное величие Афин, не подкрепленное естественной силой.- Во-вторых, ее пагубная зависимость от дани.- В-третьих, ухудшение национального духа, начатое Кимоном в использовании взяток и общественных столов.- В-четвертых, недостатки в народных судах.- Прогресс общего образования.- История.- Ее ионийское происхождение.- Ранние историки.- Акусилаи.- Кадмус.- Евгеон.- Гелланик.- Ферекид.- Ксанф.- Взгляд на жизнь и труды Геродота.- Прогресс философии со времен Фалеса.- Философы ионийской и элеатской школ.- Пифагор. Его философские догматы и политическое влияние.- Влияние этих философов на Афины.- Школа политической философии продолжалась в Афинах со времен Солона.- Анаксагор.- Архелай.- Философия не была чем-то отдельным от обычной жизни афинян.

I. Прежде чем мы перейдем к правлению Перикла - периоду, столь блестящему в истории не только Афин, но и искусства, - не будет лишним сделать краткий обзор прогресса, которого афиняне уже достигли в цивилизации и могуществе (449 г. до н. э.).

Комедианты и риторы, когда в более поздний период они смело представляли демократии, в смеси сатиры и правды, более неприятные черты народного характера, с удовольствием проводили контраст между новыми временами и старыми. Поколение людей, которых обессмертили Марафон и Саламин, по мнению этих восхвалителей прошлого, отличалось более благородными нравами и более величественными добродетелями, чем их выродившиеся потомки. "Тогда, - восклицал Исократ, - наши юноши не проводили дни в игорных домах, не общались с музыкантами, не участвовали в собраниях, на которые теперь тратятся целые дни, тогда они сторонились Агоры, а если и проходили через ее притоны, то со скромной и робкой терпимостью, тогда возразить старшему было большим преступлением, чем сейчас оскорбить родителя, тогда даже слуга с честной репутацией не был замечен в том, чтобы есть или пить в таверне!" "В старые добрые времена, - говорит гражданин Аристофан [210], - наши юноши выходили на снег без мантии, их музыка была мужественной и воинственной, их гимнастические упражнения - благопристойными и целомудренными. Так воспитывались герои Марафона!"

В такие счастливые дни, как нам сообщают, не существовало ни распутства, ни даже нужды. [211]

Нет нужды говорить о том, что подобные сравнения одной эпохи с другой следует принимать с большой осторожностью и оговорками. Мы слишком привыкли к подобным заявлениям в наше время, чтобы не распознать в них обычный прием сатириков и декламаторов. Пока

народ может терпеливо выслушивать презрительные заявления о своих ошибках и глупостях, он еще не совсем выродился и развратился. И все же, если допустить риторические или поэтические преувеличения, не более очевидно, чем естественно, что роскошь цивилизации - пыл безудержной конкуренции, в удовольствии, как и в труде - сопровождалась многими изменениями в нравах и жизни, благоприятными для искусства и интеллекта, но враждебными для сурового трудолюбия прежней эпохи.

II. Но перемены начались не при демократии, а при тирании, и завершились они не пороками, а добродетелями нации. Она началась с Писистратидов [212], которые впервые ввели в Афинах стремление к удовольствиям и привычки к показной роскоши, которые облагораживают, прежде чем истощают; и эта роскошь, которая, как хорошо и глубокомысленно сказано у Афиней, часто является спутником свободы, "как мягкие кушетки получили свое название от Геракла", быстро прогрессировала с результатами персидской войны. Разграбление Платеи, роскошь Византии не ограничились воздействием дикого Павсания. Распад старых и возвышение новых семей, как правило, стимулировали подражание богатству - ведь именно благодаря богатству новые семьи стремятся затмить старые. И даже разрушение частных домов при Мардонии послужило толчком к развитию искусства. Отстраивая свои особняки, вельможи, естественно, пользовались сокровищами и приспособлениями великолепного врага, которого они победили и разорили. Мало кто перестраивает свои дома в таком же простом масштабе, как старые. В самом городе резиденции великих оставались простыми и незамысловатыми; они были построены в основном из штукатурки и необожженного кирпича, и нам рассказывают, что дома Кимона и Перикла едва ли можно было отличить от домов других горожан. Но в своих виллах в Аттике, от которых афиняне приходили в восторг, они демонстрировали свой вкус и богатство [213]. А прибыльные победы Кимона, подкрепленные его собственным примером показной роскоши, дали огромному числу семейств, доселе малоизвестных, одновременно возможность удовлетворять роскошь и стремление к парадной утонченности. Восточный пример не был более продуктивным для подражания, чем ионийский. Персидская война и последовавшая за ней лига привели Афины в самое тесное взаимодействие со своими изящными, но сладострастными колониями. Милет пал, но милетские нравы пережили ее вольности. Этот город славился особой грацией и интеллектуальным влиянием своих женщин; И очевидно, что должно было произойти постепенное изменение домашних привычек и формирование нового класса женского общества в Афинах, прежде чем Аспазия смогла собрать вокруг себя силу, мудрость, и остроумие Афин, прежде чем опытная любовница могла быть даже заподозрена в том, что побуждает политического Перикла к войне, и, прежде всего, прежде чем афинская аудитория могла с восторгом согласиться с тем могучим нововведением в их мужскую драму, которое видно в страстных героинях и сентиментальном пафосе Еврипида.

Но эта перемена, вероятно, не была заметна в самих афинских матронах, которые по большей части оставались в примитивном уединении; и хотя, я думаю, в дальнейшем будет показано, что современные авторы сильно преувеличивают как недостаток умственной культуры, так и степень домашнего заточения, которому подвергались афинские женщины, по крайней мере, несомненно, что они не разделяли социальной свободы и не участвовали в интеллектуальных достижениях своих господ. Именно новый класс "женских подруг" или "гетеры", плохо переводимое название "куртизанки" (от которых они, несомненно, но по нашим понятиям не очень внятно, отличались), демонстрировал редчайший союз женской обольстительности и мужской культуры. "Жена для нашего дома и чести", - подразумевает Демосфен, - "Хетера для нашего утешения и наслаждения". Эти необыкновенные женщины,

все иностранки, в основном ионийки, составляли главное явление афинского общества. Они были единственными женщинами, с которыми просвещенный грек мог общаться как с равными себе по образованности. Хотя закон отказывал им в гражданских правах, обычай вызывал у них одновременно восхищение и уважение. Незаметно, как бы вопреки законодательству, они внедряли в честолюбивые и беспокойные круги Афин многие из тех пагубных или благотворных последствий, которые возникают в результате влияния образованных женщин на нравы и занятия мужчин. [215]

III. Изменение общественных привычек не было тогда внезапным и поразительным (такого никогда не бывает в прогрессе национальных нравов), но, начавшись с милостей отполированной тирании, созрело с результатами славных, но слишком выгодных побед. Пожалуй, время, когда переходное состояние было наиболее благоприятным, наступило незадолго до смерти Кимона. Тогда это было не столько переутомление нового, более слабого поколения, сколько лоск и изящество, которые богатство, искусство и подражание неизбежно придавали тем же храбрым воинам, которые менялись должностями со спартанцами в Платее и отправляли своих детей и стариков сражаться и побеждать с Миронидом.

IV. Беглого взгляда на события нескольких лет, о которых говорится в последней книге этой истории, достаточно, чтобы показать, какого превосходства достигли Афины над другими государствами Греции. Она была главой Ионической лиги, хозяйкой греческих морей; со Спартой, единственным соперником, который мог справиться с ее армиями и обуздать ее амбиции, она заключила мир; Коринф был покорен, Эгина разрушена, Мегара уменьшилась до ее зависимости и гарнизона. Беотийские государства получили свою конституцию из рук афинского полководца; демократия, насажденная Афинами, сделала саму свободу подчиненной ее воле и залогом ее безопасности. Она исправила бесплодие своей собственной земли, получив богатые пастбища соседней Эвбеи. К серебру Лавриона она добавила золото Тасоса, а в Фессалии создала крепость против азиатского оружия и торговый центр для азиатской торговли. Самые прекрасные земли противоположного побережья, самые могущественные острова греческих морей пополняли ее казну или почти законно подчинялись ее мести. Ее флот быстро рос в мастерстве, численности и славе; дома отзвон Кимона примирил внутренние разногласия, а смерть Кимона на время утихомирила противников установленной конституции. Во всей Греции Миронид был, пожалуй, самым искусным полководцем, а Перикл (теперь стремительно поднимавшийся к единоличному управлению делами [216]), несомненно, самым высокообразованным, осторожным и властным государственным деятелем.

Но один удачный дерзкий поступок больше, чем все остальное, способствовал укреплению афинского могущества. Еще при жизни Аристиды было предложено перенести общую казну с Делоса в Афины [217]. Предложение провалилось - возможно, благодаря добродетельному противодействию самого Аристиды. Но когда при осаде Итомы разгорелась вражда между афинянами и спартанцами, самый благовидный предлог и самый благоприятный случай сговорились в пользу меры, столь соблазнительной для национального честолюбия. Под предлогом спасения казны от опасности стать жертвой спартанской жадности или нужды она была сразу же вывезена в Афины (до н. э. 461 или 460) [218]; и хотя ослабленная мощь Спарты, полностью поглощенной Мессенской войной, не допускала никакого сопротивления переводу из этой самой грозной четверти, завоевания Наксоса и недавнее сокращение Тасоса, кажется, устроили дух и на некоторое время даже заставили замолчать упреки самих государств-притонов. Таким образом, фактически владея данью своих союзников, Афины получили новое право на ее сбор и управление ею; и хотя часть

сокровищ она направляла на поддержание своей силы, она рано начала отстаивать прерогативу выделять часть на увеличение своего великолепия. [219]

Поскольку эта важнейшая мера была принята в тот самый период, когда власть Кимона была ослаблена унижительными обстоятельствами, сопутствовавшими его экспедиции в Итоме, и энергичными и популярными мерами оппозиции, есть все основания полагать, что она была в основном рекомендована и осуществлена Периклом, который вскоре после этого возглавил управление финансами. [220]

Хотя афинская торговля значительно возросла, она по-прежнему ограничивалась в основном фракийским побережьем и Черным морем. Желание предприятий, слишком обширных для государства, чье могущество могло внезапно разрушиться, еще не было доведено до крайности; буйные духи Пирея еще не набросились на различные преграды социального состояния и политической конституции, безрассудство моряков и скупость купцов. Сельское хозяйство, к которому пристрастились все классы афинского общества, стало здоровым противодействием импульсу, который давала торговля. И только спустя несколько лет, когда Перикл собрал всех граждан в городе и не оставил ни одного клапана для брожения и пороков Агоры, афинская аристократия постепенно утратила весь патриотизм и мужественность, а энергичная демократия превратилась в яростную, хотя и образованную толпу. Дух раздоров, правда, был велик, но третья партия, возглавляемая Миронидом и Толмидом, сдерживала эксцессы обеих крайностей.

V. Таким образом, в стране и за рубежом время и фортуна, стечение обстоятельств и счастливая случайность великих людей не только поддерживали нынешнее возвышение Афин, но и обещали, при обычной прозорливости, долгую продолжительность их славы и могущества. Для более глубоких наблюдателей картина могла представлять тусклые, но пророческие тени. Было ясно, что положение, которое заняли Афины, совершенно несоизмеримо с их природными ресурсами, что ее величие было полностью искусственным и основывалось отчасти на моральных, а не физических причинах, а отчасти на страхах и слабости ее соседей. Непогодная почва, ограниченная территория, скудное население - все это недостатки и минусы природы, удивительная энергия и уверенная смелость свободного государства могли бы скрыть в процветании; но первое же бедствие не могло не выставить их на завистливый и враждебный взгляд. Империя, переданная афинянам, естественно, должна была стремиться к сохранению и приумножению; и были все основания предполагать, что их амбиции вскоре превысят их возможности по их поддержанию. Привыкнув к своей власти, государство научится злоупотреблять ею. Рост цивилизации, роскоши и искусства влек за собой новые расходы, и Афинам уже было позволено безнаказанно предаваться опасной страсти взимания дани с соседей. Зависимость от других ресурсов, кроме ресурсов родного населения, всегда была главной причиной разрушения деспотий, и она не может не стать рано или поздно столь же губительной для республик, которые на нее уповают. Ресурсы налогообложения, ограниченные свободными и туземцами, почти неисчислимы; ресурсы дани, взимаемой с иностранцев и иждивенцев, сурово ограничены и ужасно ненадежны; они уничтожают истинный дух промышленности в народе, требующем поборов; они насаждают неистребимую ненависть в государствах, которые их уступают.

VI. В Афинах действовали и две другие причины, сильно подрывающие национальный дух. Одной из них, как я уже намекал, была начатая Цимоном политика завоевания населения взятками и демонстрацией индивидуального богатства. Мудрый Писистрат придумал наказания, а Кимон предложил поощрение за безделье. Когда бедняков приучают к мысли, что они имеют право на щедрость богатых, начинается первый смертельный поход на

энергию независимости и неприкосновенность собственности. Еще более пагубное зло в общественном устройстве афинян было заложено радикально в их конституции - это их судебные органы. Исходя из теории, которая, должно быть, казалась умозрительной и правдоподобной для неопытной и младенческой республики, Солон установил в качестве принципа своего кодекса, что поскольку все люди заинтересованы в сохранении закона, то все могут пользоваться привилегиями истца и обвинителя. По мере того как общество становилось все более сложным, открывались двери для всех видов досадных обвинений и легкомысленных тяжб. Обыкновенный доносчик стал самым назойливым и могущественным человеком, а его профессия стала плодотворной и многолюдной; в самой столице свободы существовали самые худшие виды шпионажа. Но правосудие от этого не становилось легче. К доносчику относились со всеобщей ненавистью и презрением; из произведений великого комического поэта легко понять, что симпатии афинской публики, как и симпатии английской публики в наши дни, были направлены против человека, который привел инквизицию закона к очагу своего соседа.

VII. Солон совершил еще более фатальную и неизлечимую ошибку, когда перенес демократический принцип в судебные трибуналы. Он, очевидно, считал, что сама сила и жизнь его конституции покоится в Гелиэе - суде, численность и характер которого уже были описаны. Возможно, в те времена, когда старая олигархия была еще столь грозной, было трудно обеспечить правосудие для более бедных классов, пока судьи выбирались из более богатых. Но правосудие для всех классов стало еще более капризной неопределенностью, когда суд стал напоминать народные выборы. [221]

Если мы доверим народу широкое политическое избирательное право, то народ, по крайней мере, не будет доверять никому, кроме себя и своих потомков - он не несет ответственности перед обществом, ибо он и есть общество. Но в юриспруденции, где есть две заинтересованные стороны, истец и ответчик, судья должен быть не только неподкупным, но и строго ответственным. В Афинах судьей становился народ, а в случае правонарушений, караемых штрафом, именно он был заинтересован в осуждении; многочисленность присяжных исключала всякую ответственность, оправдывала все злоупотребления и делала их склонными к тем же бесстыдным эксцессам, которые характерны для самоизбранных корпораций, к которым бездействует апелляция и над которыми не властно общественное мнение. Эти многочисленные, невежественные и страстные собрания в любое время были подвержены партийному пылу, красноречию отдельных лиц, прихотям и капризам, предрассудкам, нетерпению и буйству, которые всегда должны быть характерны для толпы, обращенной устно. Очевидно также, что от службы при таком дворе богатые, именитые и ученые, не имея других занятий и развлечений, вскоре будут стремиться отстраниться. И окончательный удар по целостности и респектабельности народной судебной системы был нанесен в более поздний период Периклом, когда он установил жалованье, достаточное для того, чтобы соблазнить бедных и презреть богатых, каждому дикасту или присяжному в десяти обычных судах [222]. Юридическая наука стала не профессией эрудированных и трудолюбивых, а средством существования невежественной и праздной толпы. Агитация, уговоры, подкуп - все, к чему привело это самое порочное учреждение афинской демократии, - лишь слишком очевидные и печальные свидетельства несовершенства человеческой мудрости. Жизнь, имущество и характер были поставлены под угрозу в результате всенародных выборов. Эти пороки, должно быть, давно уже действовали; но, возможно, они были едва заметны, пока роковое нововведение Перикла и последовавшие за ним вопиющие эксцессы не позволили самому народу выслушать клеймящую и ужасную сатиру на народную судебную власть, которая до сих пор сохранилась до нас в комедии Аристофана.

В то же время некоторые критики и историки широко и грубо ошибаются, полагая, что эти суды "суверенного множества" были пристрастны к бедным и враждебны к богатым. Все свидетельства доказывают, что дело обстояло, к сожалению, с точностью до наоборот. Обвиняемый имел обыкновение привлекать к участию в суде в качестве своих друзей тех людей, обладающих высоким положением или влиянием, которых он мог причислить к своим друзьям. А собственность использовалась для получения в суде тех голосов, которые она могла получить на политических выборах. Самый большой порок демократической Гелиэи заключался в том, что за штраф богатые могли купить помилование, а великие - смягчить закон. Но шансы были не в пользу бедняка. Для него судебный процесс был действительно дешевым, но правосудие - дорогим. В тяжбе с могущественным противником ему приходилось бороться с тем же неравенством, что и в борьбе с ним за должность в администрации. Во всех судебных процессах, опирающихся на голос народных собраний, всегда было и будет установлено, что, *caeteris paribus*, аристократ побеждает плебея.

VIII. Между тем прогресс общего образования был велик и замечателен. Музыка [223] с самого раннего времени была неотъемлемой частью обучения; теперь она стала настолько распространенным занятием, что Аристотель [224] отмечает, что к концу персидской войны почти не было ни одного свободного афинянина, не знакомого с игрой на флейте. Впоследствии использование этого инструмента было прекращено и даже запрещено при обучении свободных людей, поскольку считалось, что он не способен исполнять достаточно возвышенную и интеллектуальную музыку [225]; однако ему на смену пришли лишь мелодии более низменные и роскошные. Аристофан относит переход от старых национальных мелодий к худшим симптомам афинского вырождения. Кроме музыканта, наставник гимназия и грамматик по-прежнему составляли номинальный предел схоластического обучения. [226] Но сама жизнь теперь превратилась в школу. Страсть к публичным беседам и диспутам, которую сады и Агора, и волнующие события, и свободные учреждения, и развитие философии, и безмятежный и прекрасный климат сделали преобладающей чертой зрелого афинянина, начала пробуждаться в молодых. А в это время запоздалое изобретение прозаической литературы произвело свой естественный переворот в интеллектуальных занятиях.

IX. Ранее уже отмечалось, что в Греции, как и в других странах, первым преемником поэта был философ, а устный лектор предшествовал прозаику. С письменной прозы началась ИСТОРИЯ. Найдя способ передачи тех знаний, которые не могли, подобно ритмичным сказкам или душещипательным задачам, быть точно сохранены одной лишь памятью, было естественно, что нынешний век захотел записать и передать прошлое - *chtaema es aei* - как вечную реликвию будущему.

Для полуварварского народа история - не более чем поэзия. Темы, которым она будет посвящена, - это легенды религии, деяния полубогов предков, триумфы успешной войны. Записывая эти темы, представляющие национальный интерес, поэт становится первым историком. По мере того как философия - или, скорее, дух догадок, который является первобытным и творческим дыханием философии - становится преобладающим, старое легкоеверие направляет новые исследования на изучение предметов, которые поэты недостаточно объяснили, но которые, в силу своей отдаленной и религиозной древности, таинственно привлекательны для благоговейного и любознательного населения, для которого давнее происхождение является самым лестным доказательством превосходства. Таким образом, генеалогии и рассказы о происхождении государств и божеств стали первыми предметами истории, вдохновили аргивянина Акусилая [227] и, насколько мы можем предположить, милезийца Кадма.

Х. Дорийцы - народ, никогда не желавший нарушать традицию, не желавший тщательно исследовать, именно потому, что суеверно почитал прошлое, мало интересовавшийся нравами и летописями чужих племен, удовлетворенный, одним словом, собой и нелюбопытный в отношении других, - не были расой, для которой история стала нуждой. Иония - тонкая, новаторская, беспокойная и неугомонная нянька искусств, которую в конце концов воспитала родная страна, - гордится Кадмом Милезийским, первым писателем истории и прозы [228]; Самос, родина Пифагора, породил Евгеона, поставленного Дионисием во главе ранних историков; а Митилена породила Элланика, который, похоже, задумал более амбициозную цель, чем его предшественники. Он написал историю древних царей земли и рассказ об основателях самых знаменитых городов в каждом царстве [229]. Во время ранних и грубых попыток этих и других писателей суровые события способствовали тому, чтобы отвлечь от утомительных исследований и бесплодных догадок истинного гения истории; ведь именно тогда, когда народ начинает бороться за права, постигать политические отношения, спорить с соседями за границы и бороться с несносными учреждениями дома, он желает заручиться санкцией древности, проследить до какого-то выдающегося происхождения права, которых он требует, и стимулировать ежечасные усилия ссылкой на ушедшую славу. Тогда мифологии, генеалогии, географические определения, традиции, касающиеся королей и героев, перерастают в хроники, отмечающие потрясения или прогресс нации.

В бурный период, когда произошло вторжение Ксеркса (480 г. до н. э.), когда все, что могло пролить свет на прошлое, побуждало к борьбе в настоящем, процветал Ферекид. Иногда его называют уроженцем Лерии, которая кажется местом его рождения, иногда - Афин, где он прожил тридцать лет, и к какому государству относится его история. Хотя его работа была в основном мифологической, она открыла путь к созданию надежной исторической композиции, так как включала ссылки на более поздние времена - на существующие битвы - происхождение Мильтиада, скифскую экспедицию Дария. Впоследствии лидиец Ксанф написал труд о своей стране (463 г. до н. э.), из которого сохранились некоторые отрывки и который Геродот не преминул заимствовать.

XI. Спустя почти столетие после изобретения прозы и исторического сочинения, под руководством и на примере многих писателей, небезызвестных в свое время до его подражания, Геродот впервые представил греческой публике и, по всем вероятным свидетельствам, на Олимпийских играх, часть того произведения, которое вызвало слезы Фукидида и служит нетленным образцом живописного и достоверного повествования. Это случилось в блестящий период афинской истории; это было в тот же год, что и битва при Энофите, когда Афины дали законы и конституции Беотии, а отзыв Кимона установил для нее и свободу, и порядок. Юность Геродота прошла, когда слава персидской войны еще не угасла над Грецией, а с возвышением Афин началась новая эра цивилизации. Его гений черпал живительное дыхание в атмосфере поэзии. Желание диких приключений все еще существовало, и романтическая экспедиция афинян в Египет послужила укреплению связи между греками и этой впечатляющей и интересной страной. Возникновение греческой драмы благодаря Эсхилу, вероятно, способствовало тому, что стиль Геродота приобрел эффектность, красочность и энергичность. А в легком мастерстве его повествований и волшебной, но спокойной энергии описаний прослеживается что-то почти от искусства современного ему Софокла.

XII. Хотя Геродот был дорийцем по происхождению, он родился в Галикарнасе, в Кари, городе в Малой Азии; ни его стиль, ни его взгляды не указывают на то, что он получил от происхождения своей семьи какие-либо дорийские особенности. Его родители отличались

как родовитостью, так и удачливостью. В начале жизни внутренние волнения, которым подверглись все греческие города и которые на время подавили свободу его родного города, изгнали его из Галикарнаса; страдая от тирании, он проникся тем энтузиазмом свободы, который пылает во всех его бессмертных произведениях. Во время своего изгнания он путешествовал по Греции, Фракии и Македонии, по Скифии, Азии и Египту. Так он собирал материалы для своего произведения, которое, по сути, является исторически достоверной книгой путешествий. Если не отвергать историю о том, что он читал часть своего труда на Олимпийских играх, когда Фукидид, один из его слушателей, был еще мальчиком, и если мы предположим, что последнему было около пятнадцати лет, то этот анекдот можно [230] отнести к дате Olym. 81, до н. э. 456, когда Геродоту было двадцать восемь лет.

Главной резиденцией Геродота был Самос, пока в Галикарнасе не произошла революция. Народ сговорился против своего тирана Лигдамиса. Геродот вернулся в родной город, принял активное участие в заговоре и в конце концов добился восстановления народного правительства. Однако ему недолго оставалось наслаждаться свободами, которые он помог обрести своим согражданам: какие-то происки противной стороны заставили его во второй раз отправиться в изгнание. Вернувшись в Афины, он прочитал продолжение своей истории на празднике Панафиней (446 г. до н. э.). Она была встречена самыми восторженными аплодисментами, и нам рассказывают, что народ торжественно вручил человеку, увековечившему его достижения в борьбе с медянами, десять талантов. Наклонности этого замечательного человека, как и у всех путешественников, были склонны к авантюрам и приключениям. Его ранние странствия и последующие превратности, похоже, подтвердили темперамент, изначально беспокойный и любознательный. Поэтому на сорок первом году жизни он присоединился к афинским эмигрантам, которые на юге Италии основали колонию в Туриуме (443 г. до н. э.).

VIII. В Фуриях Геродот, очевидно, провел остаток своей жизни, хотя вопрос о том, где была построена его гробница - там или в Афинах - является предметом спора. Эти подробности его жизни, небезынтересные сами по себе, в значительной степени иллюстрируют характер его трудов. Их очарование заключается в искренности человека, который описывает страны как очевидец, а события как тот, кто привык в них участвовать. Жизнь, стремительность, энергичность искателя приключений и странника светятся на каждой странице. У него нет рафинированных изысканий, которые рождаются в чулане. Он скорее рисует историю, чем рассказывает о ней; на все, что он описывает, он набрасывает краски бессознательно поэтического ума. То солдат, то священник, то патриот - он всегда поэт, если редко философ. Он повествует как свидетель, в отличие от Фукидида, который подводит итоги как судья. Ни один писатель не применял так красиво суеверия к истине. Само его легкое верие имеет собственную философию; и современные историки поступают неразумно, пренебрегая случайным повторением даже его басен. Ведь если его истины фиксируют события, то его басни рисуют нравы и мнения того времени; и последние заполняют историю, для которой события являются лишь скелетом.

Чтобы объяснить частое использование диалогов и драматические эффекты повествования, мы должны помнить о трибунале, которому подвергалась работа Геродота. Каждый автор, неосознанно для самого себя, советуется со вкусами тех, к кому он обращается. Ни небольшая группа ученых, ни скрупулезные и критически настроенные исследователи не подвергали Геродота такому испытанию. Его хроники не были диссертациями, над которыми нужно было холодно размышлять и скептически оценивать: их читали вслух на торжественных праздниках тысячам слушателей; они должны были возбуждать любопытство, развлекать нетерпение, возбуждать удивление живой и пестрой толпы. Таким

образом, историк естественным образом впитывал дух рассказчика. И он был вынужден приукрасить свою историю романтической легендой, ужасным суеверием, сплетней и анекдотом, которые все еще характеризуют рассказы популярных и устных выдумщиков, в базарах мусульман или на морских песках Сицилии. Тем не менее, справедливо замечено, что благоразумного читателя нелегко сбить с пути Геродота в важных деталях. Его описания местностей, нравов и обычаев необычайно точны, и современные путешественники до сих пор могут проследить следы его верности. Поскольку историк в какой-то мере был оратором, его мастерство должно было проявляться в искусстве удерживать внимание аудитории. Поэтому Геродот постоянно стремится к живописности; он передает нам слова своих актеров и рассказывает о тайнах неприступных дворцов с такой же простотой и искренностью, как если бы он находился за аррой. [231]

То, что странствующий галикарнасец не мог знать, что Гигес говорил Кандаулу или Артабан Ксерксу, возможно, утверждалось слишком уверенно. Херен напоминает нам, что и у еврейских, и у греческих писателей часто упоминаются писцы или секретари, которые постоянно присутствовали при особе персидского монарха - по случаю празднеств [232], публичных смотров [233] и даже во время битвы; и, с тем идолопоклонническим уважением, с которым относились к деспотии, записывали слова, слетавшие с царских губ. Далее изобретательный немец показывает, что этот обычай был характерен для всех азиатских народов. Так были сформированы хроники или архивы персов; и, ссылаясь на эти подробные и детальныe документы, Геродот смог записать разговоры и анекдоты и сохранить для нас воспоминания о дворе. И хотя эту догадку следует принимать с осторожностью, а ко многим отрывкам, не связанным с Персией или Востоком, ее нельзя применять, она достаточно правдоподобна в некоторых очень важных частях истории, чтобы не отвергать ее с презрением.

Но именно по другой причине я иногда допускал диалоги Геродота, а также суеверные анекдоты, бытовавшие в то время. Истина истории заключается не только в связи событий, но и в сохранении характера людей и изображении нравов того времени. Факты, если они изложены слишком откровенно, могут сильно отличаться от истины по впечатлению, которое они производят; и дух греческой истории теряется, если мы не чувствуем самих греков постоянно перед собой. Таким образом, когда, как у Геродота, действующие лица событий общаются, каждое слово, о котором сообщается, возможно, не было произнесено; но то, что мы теряем в точности деталей, мы с лихвой приобретаем за счет верности целого. Мы получаем живое и точное впечатление об общем характере - мыслях, нравах и людях той эпохи и той страны. Так же обстоит дело и с легендами, которые используются редко и природа которых при самом поверхностном взгляде отличима от факта; мы более остро ощущаем, что именно греки участвовали в Марафоне, когда читаем о сие Гиппия или явлении Тесея. Наконец, историк Греции почти без труда донесет до читателя ощущение могучей перемены от эпохи поэтических героев к эпохе практических государственных деятелей, если мы позволим Геродоту быть его образцом в повествовании о Персидской войне, а более глубокому и менее образному Фукидиду - раскрасить картины Пелопоннеса.

XIV. Период, в который мы вступаем, также примечателен плодотворным и быстрым развитием одной из отраслей интеллектуальной культуры, в которой греки прославились прежде всего. В истории Рим был соперником Греции; в философии Рим был не более чем ее доверчивым и благоговейным ученым.

Рассвет философии начался с Фалеса; Милет, место его рождения, принес его непосредственных преемников. Анаксимандр, его младший современник [234], как говорят, вместе с Ферекидом, был первым философом, который воспользовался изобретением

письменности. Его заслуги не были достаточно оценены, как и заслуги большинства людей, занимающих первые ступени на пути от создателя к создателю. Кажется, он смело отличался от своего учителя Фалеса в самом корне своей системы. Он отверг первоначальный элемент воды или влаги и предположил, что великая первичная сущность и происхождение творения находятся в том БЕЗДЕ или НИЧЕМ, которое он назвал ИНФИНИТОМ, и которое мы, возможно, переводим как "Хаос"; [235] что из этого огромного элемента части изменяются, а целое неизменно, и все вещи возникают из этого универсального источника и возвращаются к нему [236]. Он продолжил свои исследования в области физики и попытался объяснить гром, молнию и ветры. Его предположения обычно проницательны и остры, а иногда, как в его утверждении, "что луна сияет светом, заимствованным у солнца", заслуживают высшей похвалы. Анаксимандр и Ферекид сходились в принципах своих доктрин, но последний, кажется, более отчетливо утверждал бессмертие души. [237]

Анаксимен, также из Милета, был другом и последователем Анаксимандра (548 г. до н. э.). Однако он, похоже, отказался от абстрактных философских догм своего наставника и вернулся к аналоговой системе, начатой Фалесом. Как и тот философ, он основывал аксиомы на наблюдениях, смелых и острых, но частичных и ограниченных. Он утверждал, что первоэлементом является воздух. В этой теории он объединил Зевса, или эфир, Ферекида и Бесконечного Анаксимандра, поскольку считал воздух богом в себе и бесконечным по своей природе.

XV. В то время как эти дикие, но изобретательные спекулянты продвигали вперед философию, называемую ионийской, до более позднего времени безмятежного и возвышенного спиритуализма Анаксагора, возникли две новые школы, обе основанные ионийцами, но отличающиеся друг от друга названиями - элеатская и италийская. Первая была основана Ксенофаном Колофонским в Элее, городе на западе Италии. Переселившись на чужой берег, колонизация, по-видимому, привела в философии к тем же результатам, что и в политике: она освободила разум от всех прежних предрассудков и предписывающих оков. Ксенофан был первым мыслителем, открыто выступившим против народной веры (538 г. до н. э.). Он лишил Великое Божество человеческих атрибутов, которыми наделило его человеческое тщеславие, уподобив Бога человеку. Божество Ксенофана - это божество современной философии - вечное, неизменное и единственное: его форма не может быть представлена в искусственных изображениях. Его атрибуты - ВСЕ СЛЫШАНИЕ, ВСЕ ЗРЕНИЕ и ВСЕ МЫСЛИ.

К элеатской школе, основанной Ксенофаном, принадлежат Парменид, Мелисс Самийский, Зенон и Гераклит Эфесский. Все они были мыслителями, отличавшимися смелостью и тонкостью. Основные метафизические доктрины этой школы во многом приближаются к тем, которые знакомы современным спекулянтам. Их предшественники в качестве основы своей системы исходили из опыта внешнего мира и доказательств органов чувств; элеаты, напротив, начинали свою систему с реальности идей, а затем уже рассуждали о реальности внешних объектов; опыт для них был лишь зрелищем и видимостью; знание находилось не в вещах вне тела, а в разуме; они были основателями идеализма. Что касается Божества, то они представляли себе всю Вселенную наполненной им - Бог был ВСЕМ во ВСЕМ. Таковы, хотя каждый философ варьировал систему в деталях, были основные метафизические догмы элеатской школы. Ее мастера были высокими, тонкими и религиозными мыслителями, но их доктрины основывались на теории, которая неизбежно вела к парадоксу и мистицизму, а в итоге привела к самой опасной из всех древних сект - софистам.

Здесь мы можем заметить, что дух поэзии долгое время продолжал дышать в формах философии. Даже Анаксимандр и его ближайшие последователи в ионической школе, хотя и

писали в прозе, но, судя по нескольким оставшимся у нас фрагментам, часто прибегали к поэтическому выражению и передавали догму с помощью образа; в то время как в элеатской школе Ксенофан и Парменид приняли саму форму стиха как средство передачи своих теорий; А Зенон, возможно, благодаря новому примеру драмы, впервые ввел в философский спор ту моду на диалог, которая впоследствии придала самым суровым и возвышенным мыслям оживление и жизнь драматических картин.

XVI. Но еще до того, как возникла элеатская школа, самый замечательный и амбициозный из всех ранних мыслителей, объединитель реальной политики и восторженных мечтаний, герой тысячи легенд - полубог в своих целях и самозванец в своих средствах - Пифагор из Самоса - задумал и частично осуществил грандиозный замысел по созданию умозрительной мудрости и оккультной религии в качестве краеугольного камня политических институтов.

Все, что связано с Пифагором, настолько таинственно, смешано с самыми грубыми баснями и дикими суевериями, что кажется, что он едва ли принадлежит к эпохе истории или к передовой и практичной Ионии. Дата его рождения и само его происхождение являются предметом споров и сомнений. Сведения сходятся в том, что его отец не был уроженцем Самоса, и кажется вероятным предположение, что он был лемнийского или пеласгийского происхождения. Пифагор рано отправился в Египет и на Восток, и система, наиболее правдоподобно приписываемая ему, передает кое-что от восточных тайн и жречества в своих особых доктринах, и гораздо больше этих чуждых элементов в своем всепроникающем и общем духе. Идея объединения государства с религией особенно восточная и по сути антиэллинская. Вернувшись на Самос, он, как говорят, застал способного Поликрата в тирании правительства и с отвращением покинул место своего рождения. Если же он уже задумал свои политические планы, то ясно, что они никогда не могли быть осуществлены при ревнивом и резком тиране; во-первых, радикальным нововведениям никогда не противостоят так эффективно, как в правительствах, сосредоточенных в руках одного человека; во-вторых, сама суть системы Пифагора состояла в установлении олигархической аристократии - конституции, наиболее ненавидимой и наиболее преследуемой греческими тиранами. Философ переселился в Италию. По всей вероятности, он уже успел прославиться в Греции. Ведь в то время было принято путешествовать в Египет, место таинственной и почитаемой учености; а философия, как и другие новинки, похоже, вошла в моду даже среди толпы. Не только все предания об этом необыкновенном человеке, но и тот факт, что впоследствии он оказал огромное влияние на Италию, доказывают, что он обладал тем безымянным искусством производить личное впечатление на людей и вызывать индивидуальный энтузиазм, который необходим тем, кто получает моральное повеление и является основателем сект и институтов. Насколько соответствует нравам того времени и целям Пифагора то, что он старательно изучал древние религии и политические системы Греции, от которой он давно отвык, что мы не можем отвергнуть предания (пусть и обезображенные баснями) о том, что он посетил Делос и получил наставления от благочестивых служителей Дельф. [238]

В Олимпии, где он не мог не быть принят с любопытством и отличием, будущий законодатель, как говорят, принял титул философа, первого, кто претендовал на это имя. В остальном мы должны верить всем вероятным свидетельствам, как о его собственных серьезных приготовлениях к своему замыслу, так и о высокой репутации, которую он приобрел в Греции, что может уменьшить чудо успеха, ожидавшего его в городах Запада.

XVII. Пифагор (540-510 гг. до н. э.) прибыл в Италию в царствование Тарквиния Суперба, по свидетельству Цицерона и Аулуса Геллия [239], и поселился в Кротоне, городе в Тарентумском заливе, колонизированном греками из племени ахейцев [240]. Если отчасти

верить экстравагантным басням позднейших учеников, пытающихся извлечь из пестрых добавок некий изначальный зародыш простой истины, то кажется, что сначала он появился в образе учителя молодежи [241]; и, как нередко бывало в те времена, вскоре из наставника превратился в законодателя. Раздоры в городе благоприятствовали его целям. Сенат (состоявший из тысячи членов, несомненно, отличавшихся от основной массы народа; первые - потомство переселенцев, последние - коренное население) воспользовался приездом и влиянием красноречивого и знаменитого философа. Он выступал за укрепление аристократии и был одинаково противен демократии и тирании. Но в его политике не было вульгарных амбиций; он отказался, по крайней мере на время, от видимой власти и должностей и довольствовался созданием организованного и грозного общества - не совсем похожего на тот могущественный орден, который основал Лойола в сравнительно недавние времена. Ученики, принятые в это общество, проходили экзамен и испытательный срок; они становились обладателями высших почестей и допускались к самым сокровенным тайнам. Основой братства была религия, но религия, связанная с человеческими целями - продвижением и властью. Он отобрал триста человек, которые в Кротоне составили его орден, из самых благородных семейств, и они, как утверждалось, были воспитаны для того, чтобы познать самих себя, чтобы таким образом они могли командовать миром. Прошло немного времени, и это общество, главой которого был Пифагор, вытеснило древний сенат и получило законодательную власть. В этом учреждении Пифагор стоит особняком - ни один другой основатель греческой философии не похож на него. По общему мнению, он также отличался от других мудрецов своего времени в своей оценке важности женщин. Говорят, что он читал им лекции и учил их. Его жена сама была философом, а пятнадцать учениц слабого пола входят в число выдающихся украшений его школы. Орден, основанный на столь глубоком знании всего, что может очаровать или обмануть человечество, не мог не обрести временную власть. Его влияние было беспредельным в Кротоне, оно распространялось на другие итальянские города, оно изменяло или переворачивало политические конституции; и если бы Пифагор обладал более грубыми и личными амбициями, он, возможно, основал бы могущественную династию и обогатил бы наши социальные анналы результатами нового эксперимента. Но его амбиции были амбициями не героя, а мудреца. Он хотел скорее создать систему, чем возвеличить себя; его ближайшие последователи не видели всех последствий, которые могли бы вытекать из основанного им братства, а политические замыслы его великолепной и величественной философии, лишь на время увенчавшиеся успехом, оставили после себя лишь мумию бессильного масонства и восторженные церемонии полубезумных аскетов.

XVIII. Когда эта сила, столь мистическая и революционная, посредством филиальных обществ утвердилась в значительной части Италии, в обществе вспыхнуло всеобщее чувство тревоги и подозрительности против мудреца и его сектантов. Антипифагорейские восстания, по словам Порфирия, были достаточно многочисленными и активными, чтобы запомниться на долгие поколения вперед. Многие из друзей мудреца погибли, и неизвестно, пал ли сам Пифагор жертвой ярости своих врагов или умер беглецом среди своих учеников в Метапонтуме. Только после того, как почти вся Нижняя Италия была охвачена судорогами, а сама Греция была втянута в борьбу, как умиротворитель и арбитр, брожение было ослаблено - пифагорейские институты были упразднены, и на руинах этих интеллектуальных, но негениальных олигархий поднялись тимократические демократии [242] ахейцев.

XIX. Пифагор совершил роковую ошибку, когда, пытаясь произвести революцию в обществе, прибег к помощи аристократии в качестве своих проводников. Революции, особенно под влиянием религии, никогда не совершаются иначе, как под влиянием народных чувств. Именно из-за этой ошибки в суждениях он привлек народ против себя - ведь, судя по

рассказу Неантеса, приведенному Порфирием [243], да и по всем другим свидетельствам, совершенно очевидно, что его падение следует приписать народным, а не партийным волнениям. Не менее очевидно, что после его смерти, в то время как его философская секта осталась, его политический кодекс распался. Единственные семена, посеянные философами, которые вырастают в великие государства, - это те, которые, во благо или во зло, посеяны в сердцах многих людей.

XX. Чисто интеллектуальные дополнения, внесенные Пифагором в человеческую мудрость, по-видимому, были обширными и постоянными. По достоверным свидетельствам, он внес значительный вклад в математическую науку; его открытия в арифметике, астрономии, музыке и геометрии составляют целую эпоху в истории разума. Его метафизические и моральные умозрения нельзя отделить от дополнений или искажений его учеников. Но мы должны, по крайней мере, предположить, что Пифагор сформулировал основное положение об оккультных свойствах ЧИСЕЛ, которые считались принципами всех вещей. Согласно этой теории, единство является абстрактным принципом всех совершенств, а десять элементарных чисел содержат элементы совершенной системы природы. С помощью чисел можно было объяснить происхождение и сущность всех вещей [244]. Числа составляют тайну земли и неба, самих богов. И эта часть его системы, которая долгое время продолжала дурачить человечество, была своего рода чудовищным соединением арифметики и магии - самой достоверной из наук с самой фантастической из химер. Пифагорейцы считали солнце, или центральный огонь, местом пребывания Юпитера и принципом жизни. Звезды были божественными. Считалось, что люди и даже животные имеют внутри себя часть небесной природы. Душа, исходящая из небесного огня [245], может соединяться с любой формой материи и вынуждена проходить через различные тела. Приняв египетскую доктрину переселения, пифагорейцы соединили ее с понятием будущего наказания или награды.

Многое в доктрине морали Пифагора достойно восхищения, но ее портит связанное с ней церемониальное шарлатанство. Человечность по отношению ко всем вещам, мягкость, дружба, любовь и, прежде всего, самопожертвование - вот основные рекомендации его мягкой и патриархальной этики. Но, возможно, из-за его желания создать политическое братство, возможно, из-за его сомнения в способности человечества принять Истину без прикрас, прельстившись только ее собственной красотой, эти доктрины были объединены с аскетичным и легкомысленным аскетизмом. Добродетели можно было достичь, лишь пройдя через тайные и строгие церемонии академического самозванства. Его ученики вскоре довели догмы своего учителя до экстравагантности, одновременно опасной и гротескной; и то, что мудрец предназначал лишь для символов истины, культивировалось в ущерб самой истине. Влияние Пифагора становилось развращенным и пагубным по мере того, как первоначальные догматы становились все более и более искаженными или неясными, и в последующие века служило тому, чтобы наделять святостью великого имени самые провидческие химеры и самые озорные блуждания извращенных спекуляций. Но, глядя на самого человека, его открытия, замыслы, гений, чудесные достижения, мы не можем не считать его одной из самых удивительных личностей, когда-либо созданных миром; и если отчасти он был мошенником и самозванцем, никто, возможно, никогда не обманывал других из более чистых побуждений, из более бескорыстных и благожелательных стремлений.

XXI. На афинян влияние этих различных философов было уже заметным и влиятельным. Со времен Солона в Афинах существовала своего рода школа политической философии [246]. Но это не была школа отточенных догм или систематической этики; она была слишком тесно связана с повседневной и практической жизнью, чтобы в какой-либо степени

способствовать абстрактным размышлениям и рекогносцировочным теориям метафизических открытий. Мнесифил, самый выдающийся из непосредственных преемников Солона, был наставником Фемистокла - антиподов риториков и рационализаторов. Но теперь наступал новый век философии. Элеатские мудрецы Зенон и Парменид уже приехали в Афины и провозглашали там свои доктрины, а Зенон включил в число своих слушателей и учеников юного Перикла. Но гораздо более осязаемое влияние оказал Анаксагор из ионийской школы. В течение тридцати лет, то есть с 480 по 450 год до н. э., в тот богатый событиями и волнующий период между битвой при Фермопилах и началом пятилетнего перемирия со Спартой, последовавшего за смертью Кимона (449 год до н. э.), этот выдающийся и наиболее совершенный мыслитель проживал в Афинах [247]. Его доктрины были наиболее почитаемы Периклом, который причислял философа к своим близким друзьям. После нескольких лет отсутствия он снова вернулся в Афины, и тогда мы увидим, что он подвергся преследованию, в котором религиозные предрассудки стимулировались партийной враждой. Более пристрастный к физике, чем к метафизическим исследованиям, он встревожил национальное суеверие, объяснив на физических принципах образование даже небесных тел. По его словам, само солнце - этот центр божественного совершенства у пифагорейцев - было извергнуто из земли и раскалено добела в результате быстрого движения. Он утверждал, что надлежащим занятием человека является созерцание природы и небес [248]: и он превратил Автора Вселенной в интеллектуальный принцип (Nous), который дошел до корня материальных причин, которым в основном отдавали предпочтение его предшественники и современники. Он признавал существование материи, но ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ была оживляющим и преобладающим принципом, создающим симметрию из хаоса, налагающим предел и закон на все вещи, вдохновляющим жизнь, ощущения и восприятие. Его предшественники по ионийской школе, оставившие вселенную полной богов, не нападали открыто на популярную мифологию. Но утверждение единого разума и сведение всего остального к материальным и физическим причинам не могло не дышать духом, совершенно враждебным многочисленным и активным божествам эллинского культа. Партийные чувства против его друга и покровителя Перикла в конце концов привели к общему подозрению, и Анаксагор был вынужден покинуть Афины и провел остаток своих дней в Лампсаке. Но его влияние пережило изгнание. Его ученик Архелай был первым *коренным афинянином*, преподававшим философию в Афинах (450 г. до н. э.), и от него мы ведем отсчет основания тех блестящих и нетленных школ, которые обеспечили Афинам интеллектуальную империю надолго после того, как угасла их политическая независимость [249]. Сам Архелай (как это было принято у ранних мудрецов) сильно отклонился от догматов своего учителя. Он полагал, что два несогласованных принципа, огонь и вода, своим действием привели все вещи из хаоса в порядок, и его метафизика была чистой воды материализмом. В этот же период или чуть позже в Афинах начала постепенно зарождаться секта софистов, о которых так много написано и так мало известно. Но поскольку последствия их уроков еще некоторое время не были широко заметны, в рамках данной истории будет правильнее отложить рассмотрение доктрин этой извращенной, но не полностью пагубной школы на более поздний период.

XXII. Сказанного достаточно, чтобы читатель получил общее представление о том, какой огромный подъем в самых спокойных интеллектуальных сферах произошел в Греции с момента появления Солона до лекций Архелая, который был учителем Сократа. У афинян философия не была чем-то отдельным от занятий жизни и событий истории - она не была монополией нескольких ученых умов, но культивировалась как мода молодыми и родовитыми, государственными деятелями, поэтами, людьми удовольствий, приверженцами честолюбия [250]. Она была неразрывно связана с их нравами, их занятиями, их славой и упадком. История Афин включает в себя историю человеческого разума. Наука и искусство,

эрудиция и гений - все сговорились - не меньше, чем трофеи Мильтиада, честолюбие Алкивиада, зависть Спарты - стать причинами взлета и падения Афин. И даже та сатира на самих себя, к которой в бессмертных анекдотах Аристофана прислушивалось афинское население, показывает народ, который, каковы бы ни были его ошибки, мир никогда больше не увидит - для которого философия была развлечением, для которого сама Агора была академией, чьи самые грубые выставки буффонады и карикатуры сверкают остроумием или переходят в поэзию, что свидетельствует о воспитании аудитории не меньше, чем о гениальности автора; Одним словом, народ, который стагирит бессознательно индивидуализировал, когда излагал общее положение, которое нигде больше не может быть принято как трюизм, - что простой народ является самым изысканным судьей всего, что в искусстве изящно, гармонично или возвышенно.